

Татьяна Юрьевна Степанова
Рейтинг темного божества
Серия «Детектив-триллер», книга 5

*Текст книги предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=134564
Степанова Т. Рейтинг темного божества: Эксмо; М.; 2006
ISBN 5-699-15476-0*

Аннотация

Могла ли подумать сотрудница пресс-центра УВД Катя Перовская, что самая обыкновенная сауна может стать настоящим видением ада. Еще бы – четверо повешенных молодых мужчин покачиваются над бассейном. Даже у видавшего виды начальника «убойного» отдела Никиты Колосова от такого зрелища по спине побежали мурашки. А человек с ножом в груди, найденный на кладбище неподалеку? А фотография, где группа изысканных дам и господ сидит за роскошно сервированным столом, в центре которого лежит труп в смокинге? Нет сомнений – все это звенья одной цепи, но куда, в какие дебри человеческих страстей ведет эта цепь? Что за темное пламя бушует там и требует все новых и новых жертв? Вопросы, вопросы, вопросы... А ответ, как всегда, неожиданен и... жуток.

Содержание

ГЛАВА 1	4
ГЛАВА 2	6
ГЛАВА 3	9
ГЛАВА 4	15
ГЛАВА 5	21
ГЛАВА 6	28
ГЛАВА 7	31
ГЛАВА 8	43
ГЛАВА 9	47
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Татьяна СТЕПАНОВА

РЕЙТИНГ ТЕМНОГО БОЖЕСТВА

ГЛАВА 1

КАНИСТРА С БЕНЗИНОМ

Автострада давно осталась далеко позади. Луна дробилась и таяла на лобовом стекле – сеял мелкий частый дождик. Человек, сидевший за рулем, выключил «дворники». Выключил зажигание. Надо было выходить из машины под дождь. Вставать и идти. Бежать во весь дух, спотыкаться о корни в темноте ночи, раздвигать руками ветки мокрых кустов, ощупью искать дорогу, оступаться, попадая неловкой ногой в ямы и рытвины. Надо было очень спешить.

Но человек за рулем не двигался с места. Смотрел на лобовое стекло, на застывшие «дворники», на Луну – там, далеко, высоко и близко, очень близко, здесь, перед самым взором. Он думал о том, что ему делать. И как при этом остаться живым. А еще он думал о том, что его новые итальянские ботинки совсем непригодны для скитаний в дождь по заброшенному кладбищу.

В ночи ухнула сова. Человек за рулем вздрогнул – сова ли это? Ведь он, всю жизнь проживший в городе, никогда не видел и не слышал сов въяве, только по телевизору. Он вообще, оказывается, слишком мало видел и слышал и толком не представлял себе реальности. И от этого прежнего инфантильного «непредставления» сейчас, здесь можно было сойти с ума. Просто рехнуться – от собственной глупости, слепоты, непонимания очевидного.

Человек открыл дверь машины, вылез, сунулся в багажник. Достал увесистый ломик – единственное свое оружие самообороны. Крепко сжал, чтобы почувствовать холод металла и его тяжесть. Если потребуется, он без колебаний сокрушит этим ломом, этой святой палицей череп любому, кто нападет, кто попытается его остановить.

А остановить его попытаются. Всеми доступными способами – это он знал. Ведь для них, для тех, за кем он мчался вдогонку по ночной автостраде, сейчас слишком многое поставлено на карту. А для него? Что поставлено на его карту? И какая именно это карта?

Он достал из багажника заранее заготовленную пятилитровую канистру с бензином. Проверил в нагрудном кармане рубашки зажигалку. Что если она подведет в самый последний момент? Огонь не вспыхнет в ночи, не охватит жадным пламенем то, что должно быть сожжено и уничтожено. Немедленно уничтожено, едва лишь будет выкопано из этой влажной, жирной, тысячи раз удобренной органикой кладбищенской земли. Надо было бы еще захватить с собой и спички – на всякий случай, для подстраховки. Но он об этом не подумал, и сейчас, стоя под дождем в странной скованной нерешительности, отчаянно ругал себя за этот промах. Ругал так, словно от этого зависело все.

Но вот, наконец, преодолев себя, он шагнул в темноту, забыв и про открытый багажник, и про невключенную автосигнализацию. Все это было из другого мира – привычного, обыденного, повседневного и тут в ночи, под дождем, после сумасшедшей двухчасовой гонки по шоссе уже совершенно нереального. Реальность была только здесь. Мокрая листва коснулась его мокрого лица. Пахло сиренью. Человек начал осторожно продвигаться вперед, прокладывая себе путь через густые кусты. Канистра с бензином оттягивала левую руку. В правой был зажат лом, и раздвигать ветки его налитой увесистой тяжестью было совсем несподручно. А идти надо было долго. В темноте все ориентиры лгали, но человек помнил: идти по этим зарослям от дороги до самой лощины у подножия холма.

Заросли сирени кончились, сменились боярышником, затем пошел еще какой-то колючий кустарник. А потом на пути снова темной массой встали сиреневые кусты. Мокрая цветочная гроздь оказалась у самого его лица. Человек коснулся ее губами. Цветы, привкус меда... Привкус сладкого меда старых могил. Он перевел дух и снова двинулся напролом. И через пару шагов едва не напоролся животом на низкую железную ограду. Грозья и предупреждая, вверх торчали острые ржавые пики. За ними из темноты выступал покосившийся крест. Вот она, окраина кладбища – значит, он не заблудился, дошел.

Снова над головой ухнула сова. Издали послышался глухой скрежет, потом удар – будто где-то не близко, не рядом лопатой ударили по камню.

Человек замер. Его прошиб холодный пот. Они уже там, на месте. Значит, они опередили его, подъехали с той стороны, рискнув спуститься по крутому откосу с дороги.

Человек начал торопливо продираться через кусты. Он сунул лом под мышку и на ходу отвинтил крышку у канистры. В нос ударило бензином, от толчка бензином плеснуло на брюки.

Впереди в ночи возник желтый свет. Он слепил глаза – там была машина. Фары включили. При свете фар копать было гораздо удобнее, чем при помаргивании жалких карманных фонариков. Человек снова замер – глаза, дьявол... Ничего не видно. Этот желтый свет... Он посмотрел вверх – дождь, луна. Она высоко стоит над рощей, над кладбищем, над холмом, полями и дорогой. Луна, сирень... Какая же тут кругом сирень – царская, волшебная. Какой от нее чудный аромат... Боже, какой аромат... Боже, боже мой, сжался надо мной, я не могу, не хочу идти туда, к ним, мне не хочется умирать, мне не время еще умирать, я не могу, не могу, я не сумею...

Человек едва сдержался, чтобы не застонать. Стиснул зубы, приподнял канистру, судорожно нащупал в кармане зажигалку. Вот сейчас это случится. Ничего, та минута – минута паники прошла, и он снова контролирует себя. Он сможет, он сделает это. Вспыхнет огонь – сначала робкий оранжевый всплеск зажигалки, искра кремня, а потом багровый маяк, костер. И то, что выкопано из этой вонючей могилы, сгорит дотла и уже никогда больше не явит себя миру, не причинит вреда.

Человек резко щелкнул зажигалкой. Он был готов – в раскисших ботинках, на которые было уже плевать, в насквозь промокшей рубашке, с канистрой и ломом, он был готов сражаться не на жизнь, а на смерть.

Вороватый огонек на мгновение осветил кусочек ночи – глянec мокрой листвы, спутанные ветки и... преграждавшую путь, изготовившуюся к броску приземистую фигуру на расстоянии нескольких шагов. Мелькнуло лицо, обезображенное кривой, похожей на оскал улыбкой. Человек вскрикнул от неожиданности и ужаса. Его ждали! Его ждали здесь, в засаде, на подступах. Он ничего не успел предпринять, не успел замахнуться ломом, не успел защититься. Жестокий удар сбил его с ног. Канистра отлетела в сторону. Бензин разлился. Человек упал навзничь и почти моментально почувствовал, как сверху на него навалилась мускулистая тяжесть. Он попытался вырваться, молотя кулаками вслепую, брыкаясь, извиваясь, стоня от ужаса и отчаяния. Но ничего сделать уже было нельзя – словно гигантское осиное жало впилося ему в живот. И вонзилось еще и еще. Последнее, что он ощутил, был вкус крови во рту. Луна подмигнула ему зеленым кошачьим глазом. И медленно растворилась во тьме – уже навечно.

ГЛАВА 2 БРАГИН

Время, время – что это такое? Песок, ускользающий сквозь пальцы, прошлогодний снег, дождик четверга, рак на горе, посылающий громким трехэтажным свистом всех подряд в даль светлую. Это та самая дырка от бублика. Тот самый след на берегу, смытый волной. Лицо без морщин и подтяжек, не изуродованное вторым подбородком. Темя без плечи. Совесть без пятен. Победа без поражений. Память без снов о прошлом, без портящих кровь полночных терзаний о том, как должно было быть, но не получилось.

Не получилось что? Жизнь? Карьера? Успех? Стержень, который все крепко держал и вдруг в одночасье крак! – и сломался.

И все полетело вверх тормашками – под откос, подгоняемое пинками времени – все быстрее, все ниже, все безнадежнее. И как положить этому конец? Что сделать, что предпринять? Покончить со всем разом одним выстрелом в висок? Или сделать над собой усилие, не стрелять, а попытаться... только лишь попытаться, попробовать... попробовать повернуть время вспять и пробить собственной бессмертной душой брешь в его тягучей вечной структуре. Брешь, что станет лазейкой в прошлое, податливое как глина, подвластное переменам.

Надо сказать, что за свои тридцать семь неполных лет Антон Петрович Брагин никогда, ни единого дня не увлекался философией. В институте, перед экзаменами, как и все студенты времен развитого социализма, конечно же, почитывал конспекты с чахлыми выкладками из классиков марксизма, мог кое-что в двух словах вспомнить и про господина Гегеля, и про господина Канта, даже помнил, что жили. Были такие на свете Аристотель с Платоном и чему-то там учили под ясным солнцем Древней Эллады, пачками превращая варваров неумытых в эллинов просвещенных. Знал он, естественно понаслышке, и о теории относительности, но никогда не имел желания докопаться до ее сути. А о времени как о категории судил только по наручным часам – дорогим, престижным, естественно, фирмы «Ролекс». Вот секундная стрелка чинно описала полный круг, и время, значит, того, пошло, отсчитывая веки рабочего дня – долгого, напряженного, сумасшедшего, суперудачного в смысле капиталовложений и прибыли.

Во времена, когда Антон Петрович Брагин носил на запястье золотой «Ролекс», служил он в солидной фирме – центральном офисе металлургического гиганта общероссийского значения «Стальпрокатконсалтинггруп».

Кто в Москве не знал могучий, похожий на вздыбленный айсберг, увенчанный сияющей голубой пирамидой, новый небоскреб «Стальпрокатконсалтинггруп», воздвигнутый меньше чем за полгода у Павелецкого вокзала, в деловом треугольнике между Садовым и высотными зданиями «Юкоса» и «Сити-банка»? Стальная, стеклянная высотка была воистину красивой – как гигантская палочка Коха, парила она над Москвой, над рекой, над вокзалом, над площадью, над Кольцом и его составляющими: машинами и всеми этими махонькими муравейчиками – пешеходами, поделенными волей судьбы на москвичей и приезжих, на льготников разных категорий, на имеющих карточку москвича и лиц без регистрации, на трезвенников и пьяниц, семейных и одиночек, торопящихся по своим делам и праздных лентяев.

Кабинет Антона Петровича Брагина – в те времена одного из менеджеров-брокеров – помещался на девятнадцатом этаже здания. И вид из панорамного окна открывался знаковый – простор небес, силуэты кремлевских башен в мглистой дымке смога, а внизу броуновское движение, мешанина и хаос, вонючие выхлопы и пот, духота, теснота, неустроенность.

Металлургический гигант «Стальпрокатконсалтинггруп» просуществовал восемь лет, превратившись из небольшого объединения в очень перспективную, динамически развивающуюся, прибыльную компанию – монополиста рынка. Превращение сначала шло на пользу, а потом подвело – «Титаник» потерпел крушение.

О черном месяце декабре (правда, по другим сведениям это был октябрь) Антон Петрович Брагин вспоминал с болью. Нет, не только с болью – с горячим внутренним протестом – казалось, весь мир с утра пораньше опупел! Встал с ног на голову. В одни сутки прокуратурой был арестован весь совет директоров компании и руководители первого звена, а также менеджеры – управленцы региональных предприятий. Говорили о масштабном мошенничестве, о финансовой пирамиде, о незаконных сделках с собственностью и еще о ста пятидесяти пяти грехах уголовного характера. И почти в одночасье четкий, отлаженный годами управленческий механизм замер – словно по золотым швейцарским часам трахнули молотком. И посыпалось, посыпалось, посыпалось – колесики, винтики, менеджеры, агенты, секретари-референты, специалисты по маркетингу, юристы и программисты, инженеры и техники – все, кто работал в компании, получал жалованье, чувствовал крепкую почву под ногами. Все, кто смело смотрел в будущее, брал кредиты на покупку квартиры, на строительство загородного дома, на образование детей в европейских университетах, на все то, что было целью и смыслом существования.

Винтики и колесики сразу стали никому не нужным барахлом. И одним таким потерянным винтиком в то скорбное темное время чувствовал себя, еще не веря в случившееся, Антон Петрович Брагин.

На черный день, конечно, кое-что скоплено было. Кое-что... Но деловая карьера, с таким трудом и упорством выстроенная, рухнула на пике взлета. Хрустальные осколки ее хрустели под ногами конкурентов, как простое битое стекло. И давили всех, давили эти бедные осколки без жалости – всех, кто завидовал, у кого не ладилось, кто пыжился, да не мог обскакать.

Именно тогда, в минуту самого острого отчаяния Антон Петрович Брагин и задумался впервые о сущности времени, его неумолимом беге и о соотношении в его паутине прошлого, настоящего и будущего.

Память сыграла с ним злую шутку. Он помнил все восемь лет своей успешной карьеры так ясно, так отчетливо, что порой до мельчайших подробностей восстанавливал весь ход событий какого-либо отдельно взятого дня, смысл всех бесед, последствия всех телефонных звонков, встреч, переговоров, анализировал и оценивал, сопоставлял и делал выводы. Он помнил все дни, проведенные в своем кабинете на девятнадцатом этаже. Но жгуче, до сердечной боли сожалел только об одном дне. Сейчас, после глобальной катастрофы было уже очевидно – то был совершенно особый день, день великого шанса – увы, навечно упущенного шанса. Этим шансом можно было воспользоваться. Должно было! Но по ряду причин, а в сущности, только лишь из-за своей глупой щепетильности и непростительной трусости он, Антон Петрович Брагин, не воспользовался.

Такой шанс – а это знают многие, связанные с бизнесом, с крупным бизнесом, потерпевшим крах, – редко выпадает дважды. Те, кто умеет это понять, становятся богатыми и уже никогда больше никому не служат, а уезжают в Ниццу или на Карибы, покупают виллы на Ибице, яхты, самолеты, путешествуют, переезжая из одного всемирно известного отеля в другой.

Те, кто не умеет это понять, – что ж, они спокойно спят до определенного момента, потому что их совесть чиста и не запачкана подлогом, служат в компании, мечтают о прибавке жалованья, о карьерном продвижении, аккуратно являются на работу, выкладываются по полной и считают, что им, собственно, повезло, потому что у них вроде бы есть все, что

причисляет их к серенькому среднему классу – без особых запросов, но, слава богу, и без долгов по кредитам.

Шанс был прост, как все великое и гениальное. И состоял он в том, чтобы ПРОСТО в один конкретный день – тот самый, конечно, – используя служебное положение и возможности компании, весьма удачно сыграть ее акциями на бирже, заработать состояние, вывести его, опять же используя служебное положение, на счет в зарубежный банк, а затем спокойно вернуть компании то, что ей принадлежало. Схема была нехитрой, однако рискованной. Антон Петрович Брагин знал людей, которые в сходной ситуации рисковали и оказывались в мгновение ока в числе баловней судьбы. Но знал он и тех, кто рисковал и проигрывал, и ломал себе жизнь возбужденным по фактам мошенничества и подлога уголовным следствием и сроком в тюрьме.

Но дело-то было в том, что мошенничество и так было! – из-за него рухнул металлургический гигант, о нем трубили газеты, по поводу него ломали копья в суде защита и обвинение. Так что на этом фоне можно было бы... Не только можно, нужно было бы! И совесть – злой червяк – могла быть спокойной. Ну, хоть отчасти...

Но время, время – день тот великий, проклятый, пятница 17 августа, было безвозвратно потеряно! А с ним и шанс, и схема биржевых торгов, и финансовый рынок, и конъюнктура, и метод временного изъятия части ценных бумаг и запуск их в оборот – все, что с математической точностью было обдуманно и просчитано в теории в тиши кабинета на девятнадцатом этаже, но так и не стало реальностью.

Время смыло ту пятницу – семнадцатое вместе с великим шансом, вместе со всеми надеждами. Как море, время смыло и самого Брагина и выбросило его на берег уже никем и ничем – бывшим менеджером бывшей фирмы, получившим уведомление об увольнении «вследствие реорганизации компании и сокращения штатов».

С той поры навязчивой идеей и самым заветным желанием Антона Петровича – рационалиста и прагматика, технократа и управленца до мозга костей, никогда не проявлявшего никакого интереса ни к философии, ни к религии, ни к мистике, ни к оккультизму, стала идея об обратимости времени и способе вернуться в собственное прошлое, чтобы твердой рукой раз и навсегда исправить ту роковую, глупейшую ошибку. Все это, конечно же, было маниловскими мечтами – в полусне, на горячей влажной подушке – он это отлично понимал, он же не был параноиком, но...

Порой объективная реальность, данная нам в ощущении, тихо звереет от своей вызубренной наизусть веры в собственную материальную непогрешимость и делает экстравагантный финт – обращивается даже к самым отвязным рационалистам и прагматикам самой загадочной своей стороной.

Случилось так, что в жизни Антона Петровича Брагина произошли некие события, заставившие его поверить в то, что для исполнения его самого заветного желания – снова вернуться в прошлое, в ту самую пятницу – семнадцатое – существует путь. И это стало для него огромным потрясением – сначала. А потом превратилось в цель, достичь которую следовало во что бы то ни стало.

ГЛАВА 3 САУНА

Можно было относиться к этому как к знамению свыше: понятая упала в обморок, едва лишь переступила порог помещения, где начинался осмотр места происшествия.

Но начальник отдела убийств областного уголовного розыска Никита Колосов в знамения свыше не верил принципиально и отреагировал на инцидент сухо:

– Несите ее на воздух. Дайте ей нашатырь из аптечки. А сюда давайте другого понятого. И не барышню кисейную, а мужика.

Однако и новый понятой – водитель случайно проезжавшей мимо грузовой машины, остановленной оперативниками, сорокалетний здоровяк, грубиян и выпивоха, тоже отреагировал на увиденное на месте неадекватно: побелел как полотно и попятился назад.

– Ни хрена себе... мужики, да че ж это такое? Да этого быть не может. Как же это они... кто ж их так ухайдакал?! Мать моя командирша, меня ж щас стошнит! Как же это случилось-то, а?

Так и случилось. Никита Колосов был поставлен перед фактом: среди ночи его поднял с постели звонок дежурного по главку: на пороховом заводе в Скарятине – четыре трупа. «Четыре, Никита Михалыч, копейка в копейку, – крикнул молодчага дежурный. – Многовато».

Сообщение, якобы, поступило по телефону от охранника. Из местного отделения милиции на пороховой завод выехал наряд ППС и опергруппа. «От них сведения какие-нибудь уже поступили?» – спросил Колосов дежурного. «Да никаких. Вас туда немедленно требуют. Говорят, ситуация в этой сауне неопределенная – какая-то чертовщина там».

Уж так вышло, что в подмосковный поселок городского типа Скарятино Никита Колосов никогда за всю свою богатую практику не выезжал. В окрестностях бывал, и не раз, а вот само Скарятино лицезреть не доводилось. Поселок испокон веков обслуживал пороховой завод, бывший в оные времена режимным объектом. Но вот уже девятый год завод был закрыт на реконструкцию. А режимная зона вокруг него была отменена. Ехать в Скарятино предстояло к черту на кулички: сначала почти шестьдесят километров по шоссе через мост на Москва-реке в направлении Мамоново-Дальнего, а затем делать крюк по объездной дороге почти до самой границы области.

Колосов был готов к чему угодно, но увиденное весьма ощутимо полоснуло по нервам даже его.

Словечко «сауна», запущенное в оборот дежурным по главку, заставило его по дороге в Скарятино поломать голову. Причем тут сауна, когда место, куда он направлен старшим опергруппы, – пороховой завод? Но оказалось все просто: часть более-менее еще пригодных для эксплуатации корпусов администрация завода сдавала в аренду под склады и торговые терминалы. А в помещении бывшего заводоуправления, фасадом выходящего на магистральное шоссе, открылось нечто вроде магазина автозапчастей пополам с игорным заведением. И тут же в отдельном одноэтажном флигельке предприимчивые арендаторы оборудовали коммерческую сауну. Приземистый флигелек был крыт красной металлочерепицей и обшит сайдингом – все вроде чин-чинарем, по-европейски. Но на фоне угрюмых облупленных корпусов бывшего порохового завода эта еврохибарка производила какое-то странное, нелепое впечатление.

Когда Колосов прибыл на место, было почти четыре часа утра. У флигелька стояло не меньше десятка патрульных машин. Синие «мигалки» их вспыхивали синхронно – как грозные зарницы. Чересчур яркая для такой глухомани световая реклама «Игровые авто-

маты Супершок», радугой переливавшаяся над входом в бывшее заводоуправление, окрашивала предутренний сумрак в какие-то совершенно фантастические, марсианские тона. И было как-то необычно тихо. Возможно потому, что местное ГИБДД предусмотрительно перекрыло шоссе, ведущее к заводу, направляя редкий ночной транспорт в объезд.

Над входом в сауну Колосов прочел лозунг: «Добро пожаловать, с легким паром!» Сбоку на бумажке было вывешено расписание работы и условия аренды сауны «отдельными клиентами и корпоративными группами».

«Добро пожаловать!» – Колосов повторил про себя это стебное пожелание, хмыкнул и вместе с бригадой экспертов ЭКУ и патологоанатомом прошел внутрь. На первый взгляд внутри все было уютно и очень даже мило – стены, пол, потолок обшиты светлым деревом. Передняя, холл-предбанник с кожаными диванами, телевизором и холодильником. Верхний свет погашен, горят только красные бра, создавая сонный интим. На узких окнах – ажурные решетки и глухие жалюзи. На полу, на диванах – спортивные сумки и ворох мужской одежды. Тут же четыре пары модных стильных кроссовок разного размера. На широком низком столике возле диванов – бутылки с минеральной водой, сок в пакетах и никакого алкоголя – ни водки, ни пивных бутылок. Нет и закуски. В одной из спортивных сумок, поставленной посреди комнаты, – пластиковые бутылки без этикеток с прозрачной жидкостью – вроде обыкновенная вода. Об эту сумку едва не споткнулся близорукий патологоанатом:

– Что это? – спросил он удивленно. – Зачем с собой в баню кому-то потребовалось взять такое количество воды?

Это была первая деталь, которая...

В общем, которая заставила Колосова задуматься, что же, собственно, они все наблюдают здесь, на месте этого происшествия? И что это увиденное означает на самом деле?

Из холла-предбанника можно было пройти прямо в сауну-парилку. Воздух здесь до сих пор дышал жаром, но сама парилка была пуста. Фактически она была проходной – из нее можно было либо вернуться в предбанник, либо, открыв тугую дверь в углу, попасть в просторную душевую. Порог душевой первым переступил Колосов и... замер потрясенный. Сзади напирала члена опергруппы, стремившиеся быстрее покинуть парилку, где нечем было дышать. Вот в этот самый момент, когда все застыли на пороге между жаром и прохладой, распространяемой бассейном, занимавшим центр душевой, бедная понята, испуганно вскрикнув, и рухнула без памяти на кафельный пол. Стоявший рядом с ней опер даже не успел ее подхватить – как и все, задрав голову, он смотрел на то, что висело под деревянным потолком над самым бассейном.

Четыре голых мужских трупа в петлях. Концы веревок перекинута через толстые трубы вентиляции, пересекавшие потолок. Голые ноги повешенных почти по щиколотки – в воде бассейна.

Колосов смотрел на багрово-синюшные лица мертвецов – в них не было уже ничего человеческого. Подбородок одного из повешенных был густо вымазан засохшей кровью, что придавало ему сходство с упырем, вернувшимся с ночной охоты.

– Да, картина, – шепнул один из экспертов, щелкая цифровой камерой. – Как же это их так сумели повесить? И как нам теперь их оттуда снимать? Опереться-то не на что – вода!

Колосов вздрогнул и перевел взгляд на темную гладь бассейна. Да, свидетелем такой картины он был впервые. Голые тела отражались в воде белыми бесформенными пятнами. Бассейн был невелик – как раз по меркам сауны примерно три на четыре метра. Выложенные белым кафелем стены, дно. Сбоку лестница – спуск и что-то темное, громоздкое в воде у противоположного борта. Колосов, не отрывая глаз от повешенных, обогнул бассейн, нагнулся – на воде слабо покачивалось что-то похожее на резиновый плот. Он не сразу понял, что перед ним надувная кровать-матрас из тех, что рекламируют в телемагазине.

Послышался шум снаружи – это к сауне подогнали пожарную машину. Пожарные и милиционеры ППС тащили раздвижные лестницы-штурмовки. Однако потребовалось не менее часа и недюжинная акробатическая ловкость, чтобы при помощи этих штурмовок, удерживаемых на самом краю бассейна, добраться до тел и осторожно обрезать веревки, не повредив при этом ни петель, ни крепких, весьма причудливой формы узлов.

И вот на кафельном полу перед Колосовым в ряд, как солдаты, лежали четыре трупа.

– Да, хоровод нам с этим десантом с того света предстоит еще тот, – констатировал судмедэксперт.

И точно – хоровод с удавленниками в остывающей сауне бывшего порохового, а ныне никакого завода Колосов запомнил надолго.

Мертвецы все были как на подбор крепкие молодые ребята лет этак двадцати: белокожий блондин ярко выраженной славянской внешности, рыхлый толстячок – шатен с несоответственно развитым для парня тазом и толстыми ляжками, щупленький брюнет-коротышка и четвертый – наголо бритый, мускулистый, но на криминальную личность похожий мало – тот самый, прикусивший в жестокой агонии собственный язык.

– Морг-шапито, да и только, – снова резюмировал судмедэксперт, заботливо склоняясь над мертвецами. – Поди ж ты, сколько за один раз, – он начал осмотр. – Ну-ка, Никита Михалыч, взгляните-ка сюда.

Уже через двадцать минут вахтового осмотра с Колосова градом лил пот. Пришлось скинуть хлопковую толстовку, остаться в футболке. Бассейн в центре душевой манил прохладой, но при одном взгляде на эту воду Колосова пробирала дрожь. А взгляд уже скользил по бортам, по облицованным белым кафелем стенам душевой – вверх и каждый раз упирался в вентиляционные трубы. Душный спертый воздух хранил запах нагретого камня, смолистого дерева, дорогого мыла и пота, но вместе с парами сауны в нем словно витало что-то грозное, нечистое – скрытый смертельный вирус, которым не дай бог заразиться.

– Давность смерти всех четверых одинаковая, составляет примерно шесть часов, – констатировал судмедэксперт. – Все произошло около полуночи. Сами видите, Никита Михалыч, у всех потерпевших ярко выраженные странгуляционные борозды на шее. Вот у этого, – он указал Колосову на шатена, – судя по всему, перелом гортани. Возможно, и у остальных повреждения аналогичные – переломы гортаней и подъязычных костей. Это покажет вскрытие. Но уже сейчас могу с большой долей вероятности сказать – у всех четверых налицо признаки механической асфиксии прижизненного происхождения.

– Что же их, Василь Василич, по-вашему, всех четверых одновременно вздернули? Если давность смерти у всех одинаковая, – вмешался один из экспертов-криминалистов.

Судмедэксперт Василь Василич взглянул на молчавшего Колосова:

– А ваше мнение, коллега?

Колосов смотрел на трупы: кроме глубоких странгуляционных борозд в области шеи и прокушенного языка у потерпевших не было никаких иных телесных повреждений. В ходе долгого осмотра они не обнаружили ничего – ни ссадин, ни кровоподтеков, ни порезов. У блондина славянской внешности на левом предплечье имелась татуировка, рисунок которой показался Колосову довольно странным – ничего общего с обычным набором тюремных картинок или сюжетами, предлагаемыми салонами татуажа.

– Ну так, какое ваше мнение, Никита Михалыч? – тихо повторил вопрос судмедэксперт. Он явно просил подтверждения выводу, который для него был уже почти очевидным.

– Непохоже, чтобы их кто-то вздергивал, – хмуро сказал Колосов. – Взрослые парни. Никто их не бил, не связывал – никакого физического воздействия на них не оказывалось.

– Внешне никаких следов. Но может, вскрытие даст иные результаты, – судмедэксперт снова склонился к телам. – Запаха алкоголя ни от одного из потерпевших не чувствуется. Может, тест на наркотики что-то выявит?

– Полагаете, что всех их повесили в состоянии наркотического опьянения? Довели до беспомощного состояния и потом убили? – спросил эксперт-криминалист. – Но как технически это могло быть выполнено? Как они не утонули в бассейне?

– Наличие воды в легких установит или опровергнет вскрытие, – судмедэксперт пожал плечами, – но я вообще не наблюдаю никаких визуальных признаков того, что они находились в бессознательном состоянии. Напротив – обратите еще раз внимание на характер странгуляционных борозд, на следы, которые оставлены на шеях всех четверых узлами веревок. По крайней мере, по этим следам с большой долей вероятности уже сейчас можно утверждать, что тела всех четверых потерпевших в момент наложения петель находились в вертикальном положении.

– То есть вы хотите сказать – все они стояли? Это где ж это? Здесь, в бассейне? – хмыкнул эксперт-криминалист. – Но это невозможно. Хоть бассейн и неглубокий – это невозможно.

– Никита Михайлович, а вам не кажется, что... – судмедэксперт не договорил, словно опять не решаясь произнести вслух свою версию происшедшего.

– Василь Василич, вы помните дело Гуридзе? – спросил его Колосов. – Инсценировка самоубийства в Ногинске?

– Конечно, помню. Чистейшей воды была инсценировка. Его избили, задушили шнуром от видеомэгафона, а потом уже повесили на люстре, инсценируя суицид. Нами были зафиксированы множественные гематомы в области грудного отдела, брюшной полости и...

– Этот Гуридзе, он ведь по комплекции своей был примерно как вот этот? – Колосов указал на бритоголового мертвеца.

– Да, пожалуй.

– И весьма активно сопротивлялся.

– Без сомнения. Когда его пытались удушить шнуром. Побой были нанесены в ходе драки его убийцей, чтобы полностью подавить сопротивление.

– А дело Павловой из Столбов помните?

– И его помню. Мрак кромешный, – судмедэксперт поморщился, словно укусил что-то кислое. – Мать-наркоманка сначала утопила в ванной своего двухгодовалого ребенка, а потом повесилась на балконе сама. Там никаких следов физического насилия на ее теле обнаружено не было. Типичнейший суицид.

– Тут у нас тоже следов нет ни на ком, – Колосов смотрел на тела. – Каков же вывод?

– Ну, аналогия не слишком-то убедительная...

– И все же?

– Я же вам говорю: мне тоже кажется, что это коллективное самоубийство, – как бы нехотя буркнул судмедэксперт, – но без результатов вскрытия всех четверых я даже обсуждать это пока не хочу.

– Коллективное самоубийство? – Колосов переспросил это так, словно никак не ожидал услышать такое. – Василь Василич, а разве такое вообще бывает?

– Не иронизируйте, тут смерть – и какая, я вам скажу, смерть, в полушаге от нас, – бывалый судмедэксперт поежился. – Брр, ну и поганое место. Вроде полнейшая стерильность, чистота – баня, сауна. Медом вон пахнет и деревом струганым, а у меня... а я... За все тридцать лет службы не было со мной такого. Словами не опишешь, насколько поганое это место. Двух минут лишних, если бы не работа, я бы тут не провел.

– Это точно, – Колосов кивнул. – Так значит, по-вашему, вполне может быть коллективное самоубийство четверых, да еще в бане?

– Я вот все думаю, как они исхитрились завязать на этих трубах свои веревки? – вопросом на вопрос ответил судмедэксперт. – Над самым бассейном. Стоя на краю, никак не дотя-

нуться. Мы вон с лестницами сколько мучились. А без лестниц вообще невозможно. Дьявольщина какая-то! Ведь не при помощи левитации они туда все взмыли из воды?

– А может, им все же кто-то помог? – Колосов обратился к своим подчиненным из отдела убийств. – Заканчивайте тут и вызывайте труповозку. Татуировку, что на плече у этого вот, сфотографируйте как можно четче. Чудная картинка, но по нашему банку данных все же проверим – а вдруг да совпадет с чем-нибудь. Я сейчас займусь их вещами. А потом осмотрим вон ту улику в воде.

– Диван-матрас? Зачем он тут, в бане? Здоровый, плавать на нем в бассейне никак невозможно. К тому же он бракованный, худой, – хмыкнул эксперт-криминалист.

– Ты не рассуждай, а сфотографируй мне этот матрас в бассейне. А потом, когда вытащим, тщательно обработаешь мне эту резину надувную на дактилоскопию.

– Есть такое дело, Никита Михайлович. Только сначала, раз уж вы с осмотром тел закончили, я пальцы потерпевшим откатаю.

Колосов вышел в холл. Итак, теперь на очереди вещи погибших – сумки, одежда, барахло. В дверь просунулась голова в милицейской фуражке – местный мамоновский участковый, поднятый по тревоге и примчавшийся из поселка на допотопном мотоцикле.

– Товарищ майор, тут у нас двое, кто трупы обнаружил, – охранник сауны Пестунов и его приятель – сторож складского терминала Зуйко Семен. Оба вдугаря, заразы, не протрезвеют все никак, – оповестил участковый. – Я им говорю: что ж вы на работе-то квасите? У вас такие дела под самым носом творятся, а вы... Это они в отделение-то звонили, милицию вызвали. Менеджера сауны я тоже хорошо знаю – Хухрин его фамилия. Дозвонился я ему только что на сотовый, разбудил. Он подъедет сюда – ему мной уж приказано. Он говорит, мол, не знаю ничего. Я ему, как это ты не знаешь, кто у тебя баню на ночь снимает? А он говорит – не я, мол, заказ этот на аренду принимал, а менеджер-диспетчер наш Борисова Мария Захаровна. Я за ней послал младшего участкового. Она в поселке Красный маяк живет. Далековато. Ничего, к утру ее Перепелкин привезет, из-под земли достанет. Вы там закончили осмотр, да? Так я пойду еще раз на них гляну – на жмуриков-то... Может, кого и признаю. С первого раза-то, как висели они, не узнал... М-да, ну и дело. Сроду у нас такого не было. Сколько живу, сколько работаю... Это чтобы сразу четверых, – он просунулся еще больше в дверь. – А может, вам тут с досмотром вещей помочь?

– Идите, старший лейтенант, смотрите, может, кого-то узнаете, – сказал Колосов.

– Может, – участковый покосился на дверь сауны. – М-да... Первый-то раз, как вошел туда, прямо обалдел. Никогда так себя не чувствовал – подумал спазм сердечный, – участковый медленно пересек холл. – Да нет, не признаю я их. Нездешние они.

– Вы же их толком не разглядели.

– Сейчас погляжу. Конечно, погляжу... А если пришлые они, ну, с Москвы или, скажем, калужские? Не на метле ж они верхом сюда прилетели? Автобусом если? Или на машине. Так тогда машина должна стоять ихняя тут, у сауны, а ее нет.

– Нет машины? – спросил Колосов. – Точно нет?

Но прояснить этот важный вопрос он для себя в разговоре с участковым и местными оперативниками не успел. И ознакомиться с вещами потерпевших – тоже. Зазвонил мобильный – похоронный марш, мелодия, специально выбранная для так называемых деловых звонков.

– Никита Михайлович, – услышал он голос дежурного по главку, – что за сутки сегодня – прямо беда. И снова по вашему профилю.

– Что еще стряслось?

– Еще один труп.

– Где?

– На территории заброшенного кладбища в заповеднике Мамоново-Дальнее – это каких-то километров двадцать от вас.

– Что, тоже повешенный? – спросил Колосов.

– Туда вторая опергруппа из местного территориального отдела уехала. Подробности пока неизвестны. Но судя по всему труп явно криминальный. Начальник УУР просил передать вам, что ваше присутствие и там необходимо.

Было восемь часов утра. За окном сауны вовсю уже распевали птицы. А по небу тучными стадами бродили свинцовые тучи – с юга тихой сапой надвигался на Москву новый циклон.

ГЛАВА 4 ДРАКОН

Дракон проснулся, открыл пасть, зевнул и захлопнул ее, как гигантский капкан. Солнце, пронзившее лучами густую листву, играло на драконьей чешуе радужными бликами. Каждая чешуйка была размером с чайный поднос сочно-изумрудного цвета – Иван Канталупов видел все это своими собственными глазами и как всегда мечтал подкрасться к чудовищу поближе, чтобы дотронуться до его роскошной глянцевой чешуи, до острых шипов, усеявших хвост, которым дракон с одного удара валил вековые дубы в долине.

Однажды подкрасться и коснуться Ивану Канталупову удалось. Чешуя дракона оказалась гладкой и бархатистой на ощупь, как женская кожа, как нежная кожа Ирины, медом тающая под ладонями...

Ивану Канталупову снова, в который уж раз приснился все тот же сон. Дракон – сказочная тварь с клыкастой пастью. И вновь во сне он вспомнил Ирину.

До службы в армии Иван Канталупов безвыездно проживал в славном русском городе Мышкине, что на Волге, по которой день-деньской плавают теплоходы с туристами. В тишайшем Мышкине драконов не было и в помине. Там издревле царила мышка-норушка, ставшая местным коммерческим брендом. Мышей Иван Канталупов не выносил и с детства гильотинировал мышеловкой. А дракон ему нравился всегда. Дракон, дракон, дракон... – он повторял порой про себя это слово, как заклинание, – дракон, дракон, дракон...

После службы в десантных войсках он вернулся в родимый Мышкин и женился на своей однокласснице Оле Митрохиной, что верно, без всяких там закидонов ждала его. Он был у жены своей первым и единственным – он доподлинно знал это и какое-то время страшно этим гордился. Через год после свадьбы родился сын Игореха. В июльскую ночь необычайно сладкую, душную, когда они с женой в трудах, в поту и восторгах соорудили себе наследника, Ивану Канталупову и пригрезился впервые воочию дракон. Он спал в горном ущелье, под сводами древнего леса. Огромная, как дом, рептилия была настоящим чудом. Канталупов во сне хотел подойти к чуду поближе, потрогать эти его потрясающие зеркальные чешуины и шипы. Но побоялся страшных драконьих зубов – во сне.

В апреле родился сын. Жена Ольга полностью растворилась в обретенном материнстве, начала толстеть как на дрожжах, стала адски говорливой, ревнивой и как-то в момент поглупела и опошлилась, чем крайне разочаровала Ивана Канталупова, который к этому времени крепко встал на ноги и вообще был о себе очень высокого мнения.

У Канталуповых в Мышкине было пруд пруди родни. Дядя Ивана по матери работал в местной администрации. И сумел выхлопотать для племянника льготы на банковский кредит и аренду помещения под небольшой продуктовый магазин в самом центре городка – на торном и благодатном туристском маршруте. Иван Канталупов водки в рот не брал – только пиво, деньги считать умел и на ветер их не бросал, обладал ушлой сметливостью и коммерческой жилкой, и поэтому предпринимательство у него (может, и с благословения дядьки-чиновника) пошло в гору. Магазинчик превратился в, пусть и небольшой, «универмажек». Если приедете или приплывете на теплоходе в славный Мышкин-град, то от пристани сразу вверх на главную улицу. А тут рядом с наполовину еще отреставрированным собором и трактиром в стиле а ля рюс – торговое заведение Ивана Канталупова: продукты, промтовары, хозтовары, товары для дома, сувениры для туристов, пиво-воды-вино, мини-салон сотовой связи (а как же!), металлоремонт и комнатуха, где стоят компьютеры с доступом в Интернет – все под одной крышей, на небольшой площади, компактно и очень удобно.

Предприятие окупилось и стало давать доход через два года. Иван Канталупов переехал с женой в новый двухэтажный дом на высоком берегу Волги, купил подержанный внедорожник, купил новую мощную моторку, скатал с семейством в Сочи, в Египет и в Таиланд и начал всерьез считать, что жизнь удалась.

Но дракон, дракон, дракон спал-дремал вполглаза, ждал своего часа где-то там, в сумрачном ущелье, среди мха и влажных камней...

А потом произошло это самое дело. Только вот тут с хронологией у Ивана Канталупова было что-то не ахти. Дракон ли уже проснулся, открыл пасть, зевнул и захлопнул ее, как гигантский капкан, едва не прокусив насквозь солнце над Волгой? Или же сначала к пристани Мышкина причалил четырехпалубный туристский «Константин Коротков»? Или все это произошло одновременно, сплетясь в неразрывное целое? Солнце-то над Волгой жарило – это точно. Огненный шар плыл, казалось, над самой водой. На «Короткове» играла музыка. А Иван Канталупов просто проезжал мимо пристани на машине – просто мимо, по своим делам. С теплохода на берег валом валили туристы. И в их чужой беззаботной толпе он и увидел ее. Ирину. Он сразу остановился, ну просто невозможно было ехать мимо – непременно в столб врежешься, когда перед глазами такое. Такая...

Она шла в компании подруг, но шла так, словно была одна в целом мире – очень высокая, гибкая, как лоза, с рыжими волосами, такими обильными, длинными, шелковистыми, что аж делалось страшно. И сердце так и екало в груди – мать моя родная, да неужели же это наяву, а не в кино?

А походка у нее была такая, что вообще... А глаза серо-голубые... На черный пыльный внедорожник, загородивший дорогу, она взглянула мельком, с досадой – конечно, москвичка коренная, удельная, видела она и не такие тачки и, наверное, каталась в них по Москве с поклонниками-женихами. Иван Канталупов за рулем в то мгновение (господи боже, а дракон-то, дракон уже проснулся, встал на свои кривые лапы и начал принюхиваться к запахам леса, чуя добычу!) совсем не привлек ее внимание. Да и как было привлечь? Внешность у Ивана Канталупова была самая обыкновенная – ну, здоровяк, силой бог не обидел. Молодым парнем был еще так, ничего, не урод. Ну а сейчас тридцатник разменял – волосы поредела, пришлось стричься коротко, ежом, лысину маскировать. Живот от пива давно округлился, щеки, подбородок сытостью налились. Как тут удержишься? Торговля своя, продукты свежие, хорошие, аппетит генетический по деревенской родне – что ни дай, всего мало. И вообще, на что тут любоваться – морда красная, как у всех толстяков от жары, нос еще в давней мальчишеской драке перебить спроворили, руки сильные, хваткие – гвозди из досок рвут на спор, но пальцы как на грех – сосиски сосисками. А тут еще печатка на мизинце золотая – самая что ни на есть провинциальная «шикуха». И костюм спортивный «Адидаас» вот с такими лампасами. В Мышкине-то красота красотой, а как такой женщине стильной, столичной поглянется?

Да никак. Она просто отвернулась, вскинула на плечо смешной модный рюкзачок, подняла над головой видеокамеру – Волгу снимать, теплоход, пейзаж. И вот тогда-то Иван Канталупов ее окликнул. Выпил до этого с друзьями пива, а потому был храбр – трезвым бы не решился ни в жизнь. Окликнул: «Девушка!» Выпалил залпом то, что думал, что вертелось на языке: «Какая же вы красивая». И с ходу, словно в родную Волгу бухнулся, – предложил, пока «Коротков» стоит у причала, показать ей и ее друзьям Мышкин, прокатить всю компанию на машине. Она посмотрела на него с удивлением – однако заметила, отделила от мышкинского пейзажа. Пожала плечами. А тут на счастье две ее подруги подкатились и еще мамаша подруги с десятилетним сынком-оболтусом.

Он взял в свой большой внедорожник всю эту шоблу – ради нее одной. Провез их по Мышкину от пристани до музея Мыши, провез по берегу Волги. Они фотографировали, болтали, смеялись. А он... он чувствовал, что с ним творится что-то неладное, чудное, неве-

роятное, большое... Ликование и страх, счастье и снова страх – вот сейчас они вернутся к теплоходу, гудок, ее прощальная улыбка и...

Она сказала, что ее зовут Ирина. Что она по профессии искусствовед и работает в Третьяковской галерее. Но там платят негусто, и поэтому она подрабатывает в мастерских по дизайну интерьеров. Что сейчас вот, в данный момент она в отпуске и путешествует с подругами – три дня на теплоходе Москва – Мышкин – Москва. В общем, полный набор – интеллигентка, москвичка, насмешница, красавица. С такой сногшибательной внешностью легко может в столице богатого иностранца заарканить, продюсера, чиновника высшего эшелона власти, бизнесмена, а не то что какого-то там «Купи-Продай» мышкинского разлива. Искусством ведает в Третьяковке, в живописи сечет. Только у этих, кто искусством ведает, сейчас денег ни шиша, может, хоть это ему, Ивану Канталупову, как-то поможет? А вдруг поможет?!

«Коротков» стоял два с половиной часа. А когда опять заиграла музыка, созывая туристов на теплоход, Иван Канталупов совершил поступок, который имел далеко идущие последствия. Подошел к менеджеру туркомпании, фрахтовавшей рейс, и спросил – а нельзя ли купить тур, точнее половину тура Мышкин – Москва за полную стоимость в одноместной каюте или люксе? Оказалось, что за полную стоимость возможно все.

Машину Канталупов бросил прямо на пристани – позвонил сразу в магазин, уже своему менеджеру-товароведу, чтобы немедленно послал кого-то из охранников отогнать домой и поставить в гараж. Жене Ольге он позвонил тоже – уже из каюты – и соврал, что встретил на теплоходе армейского друга, и у них столько накопилось, что и за три дня душу не излить друг другу, поэтому плывут они сейчас в Москву. Ольга среагировала бурно: «Да что же это такое делается-то, а? Вань, ты что? Ты ж куда не собирался, ничего не говорил. Ты ж поехал насос новый смотреть. А когда ж теперь вернешься? Как доедешь обратно?»

Канталупов ответил, что вернется дня через три поездом или ракетой до Ярославля, что насос он купил – в багажнике он. В общем, того, дело житейское, закругляйся, жена, до свидания – друг Леха уже в баре теплохода теплый, ждет...

Он и правда для начала пошел в бар. Надо же было обрести нужную кондицию – несмотря на смелый поступок, его колотила нервная дрожь. И он не знал, как показаться на глаза Ирине, что ей сказать.

А вечером он увидел ее у борта – гремела на верхней палубе дискотека, и она была там, веселилась, танцевала и вот вышла на воздух выкурить сигаретку. Когда она узрела Канталупова – он ведь сел на «Короткова» в чем был, в кроссовках, в мятых «адидасах», без багажа, без зубной щетки, – она... Она удивилась. Улыбнулась. Засмеялась. Сказала, что он забавный. И совершенно ненормальный тип. Но танцевать с ним пошла. И он снова бухнул ей то, что думал: «Увидел тебя и... в общем влюбился очень, сразу и кажется на всю оставшуюся жизнь. Делай со мной, что хочешь. Нет у меня воли своей против тебя, Ира, Ирочка...»

А вот говорят, так не бывает. Когда тридцать три, пивной живот, жена, сын, налаженное дело в Мышкине, планы расширить торговлю и патологическая любовь к рыбцу, студню и шашлыку – так не бывает. Ну что на это ответить?

В танцах он прижимал ее к себе очень крепко и сходил по ней с ума. Но она, все понимая и забавляясь его состоянием, не позволила ему ничего. Совсем ничего. Ночь они провели по-пионерски – каждый у себя в каюте. Для Ивана Канталупова койка теплоходная была как горячая сковорода – глаз не сомкнул. Млел и мечтал, изводил себя и надеялся, ликовал и страшился, желал и снова млел, как пацан.

В Москве он довез ее до дома на такси – на Новосущевскую улицу. А сам поехал устраиваться в гостиницу. Застрял в Москве на неделю – звонил в магазин, давал цеу продавцам, звонил жене, что-то безбожно врал, потом и врать перестал. С Ириной виделся каждый день

– утром, как пес верный, ждал ее у подъезда, днем, как проклятый, целыми часами торчал в Третьяковской галерее – она там работала до четырех, а потом...

– Нет, ты правда ненормальный, – твердила Ирина. – Ну что ты меня преследуешь? Уезжай, слышишь, что я говорю? Все равно ничего у нас с тобой не будет. Ты женат, у тебя ребенок. А я... да я вообще тебя знаю всего какую-то неделю. И потом у меня есть друг, я его очень люблю, я замуж собираюсь, слышишь ты, чудо в перьях?

Он слышал все – и про чудо тоже. И про друга. И не верил. Мало ли что, а вдруг? Потом он увидел этого типа. Он заехал за Ириной на своей машине – новехоньком открытом спортивном родстере и повез ее куда-то...

Был вечер, Москва сияла огнями. Канталупов поймал какого-то задрюгу-частника и преследовал их по пятам, как неуловимый мститель. До самых дверей частного мини-отеля «Сладкая парочка» – они вышли из машины и, обнявшись, скрылись за его дубовыми дверями. Он отпустил частника и остался на улице. Стоял на тротуаре, как статуя Командора. Сдыхал, но стоял. Дежурил. Они провели там много-много времени – всю ночь. И, наверное, в любви и радости. А он... С ним ведь действительно творилось что-то странное. Дракон, вот-вот изготовившийся взмыть к облакам на своих кожистых крыльях, так и не сумел оторваться от земли, ползал на брюхе и грыз свой собственный хвост, грыз камни и корни деревьев. Плачут ли драконы? Этот, канталуповский, плакал. Сам себе он был противен – такой чудовищный, такой пошлый, такой страшный. Он почти уже совсем не ассоциировался с чудом.

Канталупов напился в ночном баре так, как никогда до этого не напивался. Он раздавил в руке бокал, поранил осколками руку и заплатил бару выкуп. Как он очутился на Крымском мосту в четыре утра – бог знает. Как забрался на опору верхней части моста, что так крута и поката и так мила самоубийцам? Он через голову содрал с себя постылую «адидаску», махал ею, как флагом...

Внизу была Москва-река – черная, вся в огнях, чужая. Было все как-то безумно жаль, особенно бесхитростный город Мышкин, куда, казалось, уже не было возврата. А о налаженном бизнесе, о магазине и товарах – даже мысли не мелькало. И о жене, о сыне Игоряхе тоже – вот парадокс.

Обычно самоубийц на Крымском ловят, так сказать, на самой взлетной площадке – на верхотуре опоры. Приезжают сто ментов, сто психологов и «Скорая помощь» – уговаривают, улещивают, просят и, наконец, снимают, как сливу с ветки, – посиневшего на ветру, продрогшего, но живого. Но Канталупов опередил всех – и пожарных, и милицию, – он прыгнул сразу: бу-ултых! Его заметили, когда он был уже в Москва-реке и камнем шел ко дну, потеряв сознание от удара о воду. Прыгнули за ним с причала прогулочных теплоходов два милиционера из патрульной машины, вооруженные спасательным кругом «Мосводоканал». А выбраться из воды все троем помог водитель черного «Вольво», случайно оказавшийся в этот глухой час на Крымском мосту.

Лежа на асфальте, мокрый, наглотававшийся грязной воды, Канталупов был возвращен к жизни именно этим человеком. Тот сделал ему интенсивный массаж сердца и искусственное дыхание рот в рот. Канталупов увидел над собой в свете утренних фонарей лицо – оно, как белое пятно, плавало в сумраке, кружило, как птица. Канталупов зашелся кашлем, повернулся на бок – его стало бурно рвать, но он был спасен. Лицо приблизилось. Владелец его, ничуть не брезгуя и не тушуясь, бережно вытер с подбородка Канталупова слизь и рвотные массы.

– Вам лучше? – спросил он. Голос у него был негромкий, мягкий. – Зачем же вы так глупо? – спросил он уже строже. – Так торопиться, ничего толком не выяснив, не попробовав исправить...

– Не-че-го вы-яс-нять, – по слогам выдохнул Канталупов. – Она...

– Она вас не любит, – обладатель мягкого голоса кивнул. – Ну конечно, а что же вы хотите все и так сразу? Конечно же, она вас не любит. Пока.

– Чего ты мелешь? Ты ж... вы ж ее не знаете. И какое ваше дело? – Канталупов уже был в силах спорить.

Обладатель мягкого голоса положил на его мокрый лоб прохладную ладонь. Так щупают лоб тяжелобольных, проверяя температуру, – жест был отработанный, профессиональный.

– Ей лет двадцать семь, она не замужем, – сказал он. – У нее красивые глаза, она блондинка... нет, волосы у нее рыжие. У нее гордый нрав и большие запросы, которым вы пока не соответствуете... Ну конечно же, она вас не любит – у нее ведь есть мужчина, которого она любит сама и очень, ну просто сил нет как хочет женить на себе.

– Откуда вы знаете? Я... я его убью. Сейчас вот пойду туда и убью. Я и себя убью. Все равно убью, – Канталупов рванулся из лужи, что натекла с него на асфальт.

Где-то далеко, наверное, на Садовом, еще запела-заиграла «Скорая».

– Да это нетрудно, вы же думаете об этом, а я вижу, – обладатель мягкого голоса снял с его лба руку. – И это даже не очень трудно. Трудно другое. Жить, верить, желать, не терять надежду. Вы в силах подняться? Там «Скорая» едет, но я думаю, вам лучше избежать прелестей страховой медицины. Вы ведь приезжий, да? Ну, вот. Моя сестра – врач, она поможет вам лучше. Я отвезу вас к ней.

– Мне не нужен никакой врач, я... пустите меня!

– Вы сильно ударились о воду, когда прыгали с такой высоты. У вас болевой шок, потом вы наглотались разной дряни. Если не принять таблетки, вполне можете схлопотать дизентерию. Поверьте, это уж совсем отдалит вас от предмета ваших чувств – понос, фу, вещь неэстетичная, – обладатель мягкого голоса начал тихонько, но очень настойчиво и властно поднимать Канталупова.

И только тогда тот его рассмотрел – туман, застилавший глаза, поредел. Ну, вроде нестарый еще – лет сорока мужик, моложавый, но лицо все в мелких морщинках с очень подвижной мимикой. Волосы странного какого-то белого кукольного цвета – не поймешь, то ли совсем седые, то ли крашенные.

– Убивать себя, а тем более свою любовь – грех, – шепнул этот тип. – И прыгать с моста ночью – мальчишество, ведь взрослый уже, солидный человек – жена, ребенок... Мало ли что бывает. Надо не отчаиваться, а искать выход, средство искать, которое поможет наверняка.

– Да нет никакого средства, – Канталупов покачал головой. – Они ж уже спят вместе. Трахает он ее сейчас вовсю. А меня она не любит, не хочет меня. Смеется надо мной. А я... я жить без нее не могу. Сдохну я без нее!

– Вера, вера и желание – это то, что отличает нас от животных. Она горами двигает.

– Да какая еще, на хрен, вера? Во что?

– В чудо, – обладатель платиново-седой шевелюры и мягкого голоса наклонился близко-близко и сказал то, что почти убило в потрясенном Канталупове способность критически воспринимать все дальнейшее, – дракон уже здесь. Не там, а здесь. Солнце взойдет через час, прогреет его хребет, внутренности, исторгнет пламя из его огнедышащей глотки. Очень интересный, эмоционально насыщенный образ, очень оригинальный... Кому рассказать – не поверят: такая яркая метафора любви в таком фантастическом обличье... А если я вам открою секрет, если скажу, что средство исполнить ваше желание есть, только надо приложить некоторые усилия, чтобы его заполучить? Вы слышите меня? Как вы опять побледнели... Это из-за дракона? Ничего, не беспокойтесь. Это же просто образ, мысленный образ. Ваш навязчивый сон. Вы увидели во сне, запомнили. А я увидел сейчас.

– Да кто ты такой? – хрипло спросил Канталупов.

– Меня зовут Стефан. Брат Стефан. Мы сейчас с вами поедem к моей сестре. Ее зовут Анна. По крайней мере, она точно скажет, нужно ли вам делать рентген грудной клетки или на этот раз обошлось без переломов ребер.

ГЛАВА 5 МАМОНОВО-ДАЛЬНЕЕ

– Что же это такое? Ничего подобного не было никогда. Никогда такого не было, сколько себя помню!

– А сколько ты себя интересно помнишь?

Катя Петровская стояла перед Никитой Колосовым с диктофоном и фотокамерой в руках. Диктофон был выключен. Камера не извлечена из чехла. Щеки Кати пылали от возбуждения. Волосы были растрепаны. Она только что приехала из Москвы вместе с телеоператором пресс-центра главка, видимо, тоже спешно поднятая по тревоге. Колосов был рад ее видеть здесь, в этом аду, но не подавал и вида. Стойко держал профессиональную и не только профессиональную марку.

– Мы сразу с Тимкой сюда, – Катя кивнула на оператора, суетливо выгружавшего из машины пресс-центра аппаратуру. – На этот пороховой завод даже соваться не стали, туда столько народа нагнали – прокуратура, министерство и начальство наше все в полном составе. Я так и подумала – раз они все там, то ты, Никита, уж точно здесь, в Мамоново-Дальнем и в гордом оперативном одиночестве.

– Ты подумала об этом типе в такую рань?

– О каком типе? – не поняла Катя, испуганно глядя через плечо Колосова на мирный пейзаж, открывавшийся с шоссе, на котором стояли милицейские машины.

– Вот о нем, – Колосов ткнул себя в широкую грудь, прикрытую хлопковой толстовкой.

– Чего-то ты о себе в третьем лице вдруг заговорил? – спросила Катя. – Конечно, я о тебе сразу подумала, о ком же еще? Не о начальнике же и не о твоих коллегах из министерского департамента розыска. Такое дело, такие события, значит мы с тобой должны...

– Мы с тобой? – Колосов прищурился. – Жареного репортажа не выйдет, Катя.

– О, это уж мне судить, одной лишь мне, этот несносный тип должен поверить, – теперь уже сама Катя ткнула своим острым наманикюренным коготком в его широкую мужественную грудь. – Вот этот самый тип, этот.

– Как у мужа дела? – спросил Колосов.

– Отлично, спасибо. Он уехал.

– Да? Далеко?

– В Пермь. У его работодателя Чугунова там завод, и потом там какие-то выборы, работодатель своих людей во власть пропихивает – недели две точно Вадик там в этой Перми с ним прокантуется.

– Вадик... Вадик ненаглядный. Значит, хороши его дела?

– Я же тебе сказала – неплохи наши дела.

– Ваши... Ваши с ним, семейные. А он, Вадик твой ненаглядный, значит, все при своем боссе начальником личной охраны состоит?

– Ты у меня прямо здесь все это будешь выяснять? – спросила Катя. – Прямо сейчас?

– А почему нет? Где ж еще? Иных мест, иных встреч ты мне не назначаешь. Или тебе на труп не терпится полюбоваться? На растерзанное бездыханное тело?

– Ты не с той ноги встал сегодня, да? Тима, – Катя окликнула оператора, – пойдем, золотко, начальник отдела убийств милостиво разрешает нам быть на месте происшествия. Работу свою выполнять. Тут охрана должна быть из ППС, они нас проводят прямо до...

– Иди за мной и вперед не лезь, – буркнул Колосов, глянул на Катю и добавил: – Ну, пожалуйста, не лезь. И с камерой своей тоже погоди соваться.

Они медленно сошли с шоссе. Сразу от обочины начинался крутой склон холма, поросший травой. Трава была свежая, майская, зеленая – она радовала глаз и располагала к беззаботному отдыху. Тут и там по склону рос низкий кустарник, у подножия холма змеилась разбитая дождями сельская дорога, уводившая на юг в тенистую рощу.

– Это правда заповедник? Настоящий? Дежурный по главку сказал это, ну, второе убийство на территории заповедника в Мамоново-Дальнем. Мы с оператором указатель видели на трассе, свернули. А чего тут заповедного?

– Да вроде природа красивая, река, потом музей-усадьба. Дом отдыха в двух километрах отсюда, – Колосов смотрел в сторону рощи. – Два года назад в этом самом доме отдыха ханыгу одного вместе с водителем в «бээмвухе» из автоматов расстреляли. Я выезжал. Разборка была в этом сонном сельском уголке, солнцевские с подольскими поспорили, ну а стрелять приехали сюда, на нейтральную почву... Раскрыли мы то убийство. А дом отдыха тут первоклассный: с полем для гольфа, с бассейном, ну и прочие финтифлюшки, значит, в масть.

– Какие еще финтифлюшки? – Катя начала осторожно спускаться с холма – высокая платформа ее босоножек не была приспособлена для турпоходов на природе.

– Давай руку, держись за меня, осторожнее, – Колосов крепко взял ее за руку. – Какие финтифлюшки? Неточно я выразился – ну, музей-усадьба, бывший театр крепостной екатерининских времен, парк... Э, милочка, такими ударными темпами мы с тобой до вечера тут ползти будем, – он покачал головой, потом внезапно одним порывом поднял опешившую Катю на руки. Легко и быстро спустился с этой своей брыкающейся ношей вниз.

– Это что еще за милочка, а? – гневно спросила Катя, когда он, ослабив хватку, поставил ее на ноги. – Вообще, что ты себе позволяешь? Я тебе кто? И кто ты мне? Как ты себя ведешь на месте происшествия?

– Скверно себя веду? Что положено Юпитеру, то есть Вадиду ненаглядному, уехавшему в командировку, не положено бычку, то бишь бедному сыщику, – Колосов прищурился. – Вон сук с дерева обломи, побей меня, нахального негодяя, палкой.

– Дурак, – Катя фыркнула. – Точно встал не с той ноги. Или на тебя так подействовало то, что ты там, на пороховом заводе в бане, увидел... Кстати, я так и не поняла, как это так – завод, да еще пороховой и какая-то баня... Что за бред?

– Завод стоит который год. Помещения они сдают. Клиентам где-то мыться надо? Надо время с бабами проводить культурно? Ну, вот и сделали вместо пороха к снарядам сауну финскую евролюкс.

– А там что, с этими четырьмя убитыми были женщины? – быстро спросила Катя и включила диктофон.

– Насчет термина «убитые» я бы не тархтел пока, – Колосов смотрел в сторону рощи, до которой оставалось прилично идти. – Чего ж тут дороги-то вниз нет? Должно быть, со стороны музея... А то как-то странно – старинное кладбище, фамильное, дворянское, а подъезда удобного с шоссе нет... Да и вообще насчет тех четверых из сауны я пока погодил бы языком трепать.

– А никто и не трепет языком, – обиделась Катя. – Я просто уточняю детали. Ты же самый первый туда, на место выехал. Там теперь такой ажиотаж. А ты был там самый первый. Ты там все осмотрел?

– Ничего я там толком не осмотрел. Висельников этих мы только кое-как сняли, глянули с Василь Василичем, патологоанатомом, ты его знаешь – он как всегда в своем амплуа... Потом меня сюда выдержали. Сейчас здесь все сделаем, и я снова поеду туда.

– Я с тобой, – Катя бесцеремонно дернула его за рукав. – Кто сказал – иди за мной? Теперь куда ты, туда и я.

– А тебе как дежурный сказал – два убийства? – хмуро спросил Колосов после паузы, в течение которой они шли к роще.

– Ага, – Катя кивнула, – домой мне позвонили в полвосьмого – дежурный, а потом наш начальник – никогда такого аврала не было. Сказали, два убийства – групповое в бане и какое-то при невыясненных обстоятельствах на территории этого самого заповедника Мамонново. Мы с оператором подумали сгоряча: может, лесник или инспектор от рук браконьеров пострадал – ну, раз в заповеднике... Никита, а куда мы идем, что там за теми деревьями?

– Я же сказал – кладбище, труп там.

– Кладбище? – Катя остановилась. – Вот так место. Смотри, сколько тут сирени. Почему-то именно на кладбищах сирень самая красивая и душистая.

– Погоди-ка, – Колосов тоже остановился. Потом прошел по дороге несколько шагов назад. – Черт, тут, кажется, до нас кто-то успел побывать. Следы автомобильного протектора и свежие совсем. – Он оглянулся, жестом подзывая отставшего от них эксперта-криминалиста, отягощенного спецчемоданом. – Так, судя по следам, тут проезжал внедорожник. Ну-ка, подожди... Направление движения... – он присел, трогая след протектора, – давность точно небольшая. Дождь вот только ночью прошел, но след здесь, по крайней мере, довольно четкий. Дальше что? А вот дальше глина, черт... глину развезло... Ну дороги наши, мать их... Так откуда же он тут взялся, этот внедорожник? Не по склону же спустился? В принципе мог и по склону. Ну-ка стой тут, а я вернусь назад, вон там, левее.

Катя осталась внизу, а Колосов вместе с подоспевшим экспертом снова взобрались на холм. Катя наблюдала за ними – маленькие фигурки на холме, человечки – чего-то там возятся, копошатся, исследуют, смотрят. Следы протектора... Следы вроде и правда ночные. А чтобы ночью съехать сюда вниз с шоссе, надо быть либо отчаянно-смелым, либо вдрызг пьяным. Тут и фонарей-то нет ни одного, а спуск вон какой крутой. Она подошла к кустам – а тут вот сирень цветет, буйная, махровая. Кладбищенская сирень. А вроде ничто не указывает на то, что здесь, за этими сиреневыми кустами в роще располагается кладбище. К кладбищу должна вести дорога, утоптанная бесчисленными поколениями торная тропа, а тут... Внезапно что-то привлекло ее внимание: ветка сломана, и вон еще одна, и вон там. Катя шагнула в кусты. Они были помяты, складывалось впечатление, что сквозь эту зеленую чащу кто-то прокладывал себе путь. Катя углубилась в заросли – она сразу же забыла о данном обещании не забегать вперед. Вытащила из чехла цифровую камеру. Так, сейчас мы вас проверим, сейчас мы вас сравним, сейчас мы вас проверим... Какие-то назойливые кусачие мошки, потревоженные вторжением, заплясали у самых ее глаз. Катя мотнула головой, отгоняя их, и едва обо что-то не споткнулась. Наклонилась – это что еще за штука тут валяется? Подняла с мокрой земли короткий металлический лом – именно так ей в тот миг показалось – металлический лом, довольно увесистый, испачканный глиной. Она взвесила его на руке, огляделась – ее со всех сторон окружали густые кусты, стена зарослей словно сомкнулась, не пропуская в свою душную влажную сердцевину посторонние звуки. Но справа в гуще зелени снова бросились в глаза сломанные ветки. Катя шагнула в этот пролом и...

– Никита! – она не удержалась от крика, да что там от крика – от отчаянного, почти заячьего вопля, увидев это, – Никита, скорее сюда!

– Чего вы орете как ненормальная? – послышался из кустов в двух шагах хриплый простуженный юношеский басок. – С главка, что ли? Эксперт или следователь? – Владелец баска – высокий, худой, как журавль, юный сержант ППС в армейской плащ-палатке вышел на открытое место. – Что, до печенок проняла картинка? То-то. А я один тут уже полтора часа – участковый меня оставил место происшествия до приезда опергруппы охранять. А сам очевидцев ищет, свидетелей. Какие свидетели на кладбище ночью? Да не дрейфь ты, успокойся, дыши глубже. Он же мертвяк мертвяком... Крови, конечно, многовато, – сержант

вздыхнул. – Эй, да ты одна тут, что ли? Ну-ка покажь документы, может, ты приبلудная какая? Так посторонних я сюда пропускать не имею права.

– Я из пресс-службы главка. Вот мое удостоверение, – Катя сунула ему под нос корочку. – Я не одна тут, просто они там, на холме след автомобиля отрабатывают, сюда пока еще не дошли. А я... я действительно испугалась немного... Никак не ожидала, – она смотрела на пролом в кустах сирени. – Он кто – ваш, местный?

– Мертвец-то? Да нет, таких я тут точно в окрестностях не встречал. Залетный. Так там ведь и тачка его на дороге брошена.

– Машина? На дороге? Где? Мы ехали сейчас и никакого транспорта припаркованного не видели. А какая машина – внедорожник, да? Там след с холма вниз как раз внедорожника и...

– «Фолькс» там подержанный, «Фольксваген» стоит во-он там, – сержант махнул куда-то в сторону, совершенно противоположную и холму, и шоссе. – Там, у водокачки нашей бывшей.

– Вы тело уже осмотрели, документы нашли? С чего вы решили, что это его машина?

– Ничего я один тут не осматривал. Права не имею, поставлен только охранять. И документов не видел. А что это его машина, что ж... Таких «фольксов» у нас, в нашей деревне, точно нет. И потом, брошен он – на сигнализацию не поставлен, не заперт, багажник и тот открыт настежь – его дождем весь залило. А канистры-то в багажнике как раз и нет.

– Какой канистры? Я что-то вас не понимаю.

– А вон канистра-то пятилитровая, во-он бок ее в траве белеет. Бензин там по земле растекаясь, так что вы там смотрите осторожнее.

– Почему бензин? Какой еще бензин?

– Какой бензин? Обыкновенный бензин. Сжечь он что-то тут собирался – вот какой бензин, – сержант мрачно сплюнул, – сжечь, к свиньям. Только сжечь-то и не успел, зарезали его.

Затрещали кусты, и точно по волшебству, как из рога изобилия, на место происшествия посыпался десант: Колосов, эксперт-криминалист, сыщики местного отделения милиции, последним прибыл участковый с понятыми – ветхими деревенскими бабками из поселка Мебельный, умиравшими от любопытства и страха.

Но Катинo внимание целиком приковывало к себе это... То, что пять минут назад заставило ее так позорно и так непрофессионально вскрикнуть и попятиться.

В кустах сирени на вытопанной, судя по всему в жестокой драке, площадке среди сломанных веток и листвы, обильно забрызганных кровью, лежал молодой мужчина. Худое загорелое лицо его было искажено гримасой боли, все тело как-то скрючено, сведено судорогой, руки прижаты к животу, из которого торчала... Нет, Катя не могла на это смотреть, отводила глаза. Это было что-то дикое и нереальное – словно какой-то посторонний нарост на истерзанном теле. Это была рукоятка охотничьего ножа, вонзенного в человеческую плоть на всю длину лезвия. Ощущение было такое, словно этот нож пригвоздил, пришил несчастного к земле, к этим поломанным кустам, к корням. Труп, залитый кровью, измазанный глиной, был щедро усыпан опавшими цветками сирени – точно фиолетовым снегом.

Катя почувствовала, что если она сейчас же, сию минуту не отвлечется от этого пустого обывательского созерцания, ее непременно вырвет. Через силу, но надо включиться в работу – снимать этой вот цифровой камерой, зажатой во взмокшей ладони, надо тормошить, расспрашивать эксперта, надоедать своими «что» и «почему» Колосову, оперативникам – одним словом, делать что-то, а не просто видеть это – нож, торчащий из человеческого тела, само это бедное тело, скрюченное жгутом боли вокруг этого жуткого ножа.

Осмотр места длился более трех часов. Прибыл кинолог с собакой, Колосов вместе с ним и опергруппой снова прошел весь путь от шоссе к месту убийства, а также к дороге, где

был обнаружен брошенный на произвол судьбы «Фольксваген». В машине нашлись документы – техпаспорт и водительское удостоверение на имя Алексея Неверовского.

– Личность установлена, и на том пока спасибо, – хмуро сказал Колосов после осмотра. – Москвич, проживает на Ленинском проспекте, машина вон почти новая – а он бросил ее прямо на дороге, багажник даже не закрыл – так торопился смерть свою, что ли, тут встретить?

– Сколько ран ему нанесли? – спросила Катя (когда Колосов вместе с судмедэкспертом с усилиями извлекали нож из тела, она была возле «Фольксвагена» – снимала работу кинолога).

– Три проникающих ранения в брюшную полость. Все несовместимые с жизнью. Удары нанесены с большой силой. Кто-то взял, да и сделал ему хакари. И этот кто-то ждал его здесь.

– Где? – Катя вздрогнула, оглянулась. – На кладбище?

– Ты вон там нашла лом?

– Да, в тех кустах.

– Следов там нет, лом просто зашвырнули в сторону. Думаю, лом этот Неверовский взял в качестве оружия из машины, вместе с канистрой – по дактопоиску еще проверим, чьи там отпечатки конкретно, но думаю – это штука его, – Колосов вытер со лба пот и отогнал назойливую мошкарку, которой кишели заросли, – взял он эту штуку для самообороны.

– От кого? – спросила Катя.

– От того или тех, кто прибыл сюда раньше него.

– Почему ты думаешь, что эти кто-то приехали сюда раньше?

– Потому что Неверовского ждали вон там, – Колосов кивнул в сторону буйного куста махровой персидской сирени. – Там следы – дождь картину подпортил, но один довольно четкий – явно кроссовки сорок третьего размера. Мы с кинологом отработали его. И знаешь, откуда он ведет?

– Куда? – поправила Катя.

– Самое любопытное, что откуда и куда в этом случае совпадают. Видишь вон то дерево? – Колосов указал в сторону старой березы. Вокруг нее рос густой и частый подлесок, среди которого торчали из земли ржавые ограды, покосившиеся кресты. – Ты там еще не была?

– Я видела, вы там с кинологом что-то осматривали. Я была здесь, а потом возле машины. А что там такое?

– Думаю, тебе лучше самой взглянуть, может, какую версию мне подкинешь.

Колосова окликнули – прибыл следователь прокуратуры и руководство местного ОВД.

Катя осторожно обошла вытоптаный участок, на котором лежало тело. Возле него все еще работал судмедэксперт. Вот он махнул рукой, снова подзывая Колосова и следователя прокуратуры. Катя, пересиливая себя, тоже приблизилась.

– Посмотрите, у него на предплечье татуировка, – тихо сказал судмедэксперт Колосову. – Она вам ничего не напоминает?

Катя увидела на предплечье Неверовского, освобожденном от рубашки, татуировку: словно оттиск синюшной переводной картинки – бледная путаница линий. Вроде похоже на человекоптицу фантастического вида – до середины туловища что-то вроде ястреба, а выше нечто смахивающее на сиамских близнецов – какой-то сросшийся мутант с двумя головами – мужской и женской. Колосов был великий спец по татуировкам, этим своеобразным знакам иерархии уголовного мира. Но Кате показалось, что эту татуировку он рассматривал с каким-то особенным напряженным вниманием.

– Давность приличная и, кажется, пытались свести, избавится, нет? – спросил он.

– Кажется, пытались, а вот та, что мы видели раньше, была точно такой же, но давности небольшой. Вполне свежий модный татуаж, – судмедэксперт крикнул и покачал головой.

Катя отметила этот обмен мнениями как нечто не совсем для себя понятное и решила уточнить попозже.

Оставив Колосова возле тела, она направилась к березе. Катю поразило – насколько в этом странном месте обманчиво расстояние. Кажется береза – рукой подать. Но путь по прямой преграждало скопище железных оград, обычное для старых кладбищ. Каждый клочок, каждое дерево было огорожено, но ограды покосились и местами даже упали, могильные плиты заросли травой и мхом, с крестов буйно свисали плети вьюнка – все здесь было в забросе и запустении. Катя тщетно пыталась прочесть хоть какие-то надписи на надгробьях – везде все стерлось или было смыто непогодой. Складывалось впечатление, что за кладбищем давно уже никто не ухаживает и что здесь, в этом глухом уголке заповедника все давно спит беспробудным сном. Наконец она добралась до березы – еще издали увидела сотрудников милиции и эксперта-криминалиста с видеокамерой в руках. Узловатый ствол березы покрывали черные нашлепки – видимо, дерево, обладавшее такой мощной кроной, было безнадежно больно. А под березой виднелись могилы. Катя увидела невысокий обелиск из черного мрамора, похожий на осколок античной колонны. Вокруг все заросло травой и лопухами, но трава и лопухи эти были примяты. Примерно в пяти шагах от обелиска в траве еле угадывались очертания вросшей в землю могильной плиты из серого, испещренного темными потеками гранита. Плита не была сдвинута с места, но рядом с ней, слева на расстоянии примерно полутора метров была выкопана довольно глубокая прямоугольная яма. На дне ее стояла вода, однако совсем немного. Трава вокруг была засыпана песком и землей: судя по всему, яму копали в спешке.

– Странно, почему тут, на этом месте, собака вдруг отказалась работать, – донеслось до Кати. – Тут везде здорово натоптано. По крайней мере, двое лопатами орудовали. А собака наотрез работать отказывается – и непонятно почему, никакой обработки следов тут не проводилось – вот, поди ж ты, пойми ее собачью душу.

Подошел Колосов.

– Ну, что скажешь? – спросил он хмуро.

– Скажу, что вижу какую-то дыру в земле, – ответила Катя, – или нору. Они что, потвоему, пытались вскрыть могилу?

– Да могилы-то вроде целы, – Колосов вздохнул. – И эта вот, – он кивнул на обелиск, – и эта. И плита не тронута. Выщерблина вот тут, правда, – он нагнулся и потрогал гранитную плиту рукой. – Возможно, лопатой ударили, но так визуально все цело. А яма вырыта.

– Может, они клад искали, ценности? – выпалила Катя. – А что? Тут ведь какой-то заповедник, дворянское гнездо, да? Самое место фамильные ценности искать ночью. Эти, что на внедорожнике сюда по склону съехали, явились на поиски клада, – продолжала она развивать осенившую ее догадку. – А Неверовский хотел им помешать или хотел получить свою долю, а может, вообще все себе забрать. Поэтому его и прикончили. Ты версию хотел – чем не версия?

– Версия, – Колосов снова вздохнул. – Клад, говоришь, ценности...

– Может, они вообще все братки, мафиози, – не унималась Катя. – Ты с экспертом про татуировку говорил – он что, этот Неверовский, сидел, да?

Колосов не ответил.

– Возможно, они что-то искали тут и не поделили, – неуверенно закончила Катя.

Колосов встал на самый край ямы. Потом прыгнул вниз – ему оказалось по грудь. Он достал рулетку и смерил диаметр – метр двадцать. Оперся о края. Катя хотела помочь ему вылезти, но он без усилий выбрался сам, начал отряхивать испачканные джинсы.

– Ну, что ты все молчишь, скажи хоть что-нибудь, – не вытерпела Катя.

– Да я версию твою обмозговываю, – хмыкнул Колосов. – Устами женщины и младенца, как говорится... Тот, кто ждал Неверовского в кустах, пришел именно отсюда. Они, сдастся, и по склону-то съехали, чтобы оказаться тут раньше, чтобы опередить. Получается, что знали, что этот самый Неверовский стремится тоже сюда. Тебе не кажется, что эта вот мраморная штука, – он кивнул на черный обелиск, – напоминает некий ориентир? Тут все кругом кресты, камни сплошные, а такая вот тумба – только одна. Правда ночью тут сам черт ногу сломит – вот они и постарались подогнать свою тачку поближе. Там вон тоже следы протектора, – он кивнул в сторону. – Копали наверняка при свете фар и вырыли хорошую яму...

– Согласись – очень похоже на поиски клада, – перебила Катя.

– Похоже. Только вот почему тогда мертвец наш, Неверовский, хотел клад этот спалить? – хмыкнул Колосов. – Волок сюда от машины пятилитровую канистру с бензином. Не костер же он тут собрался разжигать?

– С чего ты взял, что он хотел сжечь именно то, что было извлечено вот отсюда? – Катя показала на яму. – Логической связи никакой не вижу – мало ли... Вообще с чего ты взял, что в этой яме что-то было?

– Ты же сама только что мне говорила про клад, – хмыкнул Колосов. – Я просто развил твою мысль. Но попытался при этом учесть важную улику – канистру с бензином. И потом...

– Что? – спросила Катя.

– Ты спросила – сидел ли, по моему мнению, Неверовский? Я тебе сразу скажу – даже без пробивки по банку данных мне ясно – фраер он, срока в жизни не тянул, вообще клиент изначально не наш. И к уголовной братве никакого отношения не имеет.

– А как же тогда его татуировка? Ты ведь такую уже раньше видел – я слышала ваш разговор с патологоанатомом.

Колосов снова помолчал, посмотрел на часы.

– Сейчас тут закончим, и я возвращаюсь на завод в эту чертову баню, – сказал он. – Там еще работы до фига. А его татуировку мы с тобой, Катя, обсудим позже.

– Но почему? Что за таинственность? Почему ты не хочешь сказать, где ты ее видел – в оперативном альбоме, в картотеке?

– Я ее видел сегодня в четыре часа утра на теле одного из тех, кого мы вынули из петли, – буркнул Колосов. – Все, пока не приставай ко мне! Больше пока мне все равно нечего тебе сказать.

ГЛАВА 6 ВЕЩДОКИ

Катя вернулась домой вечером. И сразу прошла в ванную. Распустила волосы. Впечатления этого дня хотелось смыть с себя словно нечистоту. В принципе она просто ретировалась, удрала с места событий – ее, не оправившуюся от впечатлений кладбища, доконала эта сауна. Чертова баня, как выразился Никита Колосов. В Мамоново-Дальнем, по крайней мере, все происходило на вольном воздухе, и там хотя бы дул ветерок. Можно было отвернуться от забрызганных кровью кустов сирени и посмотреть на небо, отвлечься на звонко тенькающую пичугу на ветке. Можно было вернуться к подножью холма и побродить в траве, стараясь хоть на время забыть о том, что лежит там, на вытоптанной полянке в зарослях.

В сауне же ничего этого сделать было невозможно. Здесь стояла спертая духота. И было слишком много людей. Хотя основной начальственный поток из главка, из министерства и прокуратуры области уже успел схлынуть, на месте по-прежнему работала большая следственно-оперативная группа. Возвращения начальника отдела убийств здесь ждали с великим нетерпением. И Катя не стала ему мешать. Они с оператором телестудии делали свое собственное дело – снимали, брали короткие блиц-интервью у местных сотрудников, оказавшихся на месте происшествия в числе первых. Но само это место, сама эта «чертова баня» вызвала с самой первой минуты у Кати нервную дрожь – под этим деревянным потолком, над этим кафельным бассейном с прозрачной прохладной водой всего каких-то десять часов назад бились в конвульсиях четверо мужчин. Эти гладкие стены, казалось, впитали их предсмертные хрипы, а воздух, казалось, был полон темной заразы – каждый вдох давался Кате с трудом. Никита Колосов уже впоследствии признался ей – он испытал в этом помещении те же самые ощущения. Не забыл он упомянуть и про поняту, грохнувшуюся в обморок при виде удавленников.

Но сейчас тела уже успели увезти в морг. самого страшного Катя не видела, но это, увы, ничего не меняло.

А дома, в Москве, в квартире на Фрунзенской набережной, было тихо и пусто. Сидя на краю ванной и расчесывая волосы, Катя вспоминала, как всего два дня назад собирала в дорогу мужа Вадима Кравченко – на домашнем жаргоне именуемого исключительно «Драгоценный В.А.». Все тогда было совсем по-другому, все кипело и клокотало, вращаясь исключительно вокруг Драгоценного В.А. Он на этот раз отнюдь не горел желанием сопровождать своего работодателя в Пермь, не желал и последующего вояжа на Урал. Капризничал, как ребенок, бурчал, что, мол, шеф его – небезызвестный в столичных деловых кругах предприниматель Василий Чугунов с годами блажит все больше и больше, что он отстал от жизни и в современном бизнесе смыслит как корова в апельсинах, что вообще ему следует думать больше о душе и подорванном здоровье, лечиться в санаториях в швейцарских Альпах и жертвовать на храм, а не вбухивать такую прорву денег в каких-то дефективных кандидатов на какие-то дефективные выборы, фактически выбрасывая деньги на ветер. Он клялся, что он смерть как не хочет оставлять Катю одну, а тем более в такое благодатное время, как конец мая – начало лета, когда душа зовет отрешиться от всего земного и окунуться с головой в реку Волгу, где-нибудь в районе зеленых плавней Ахтубы.

Поехать на мировую ахтубскую рыбалку – это была заветная мечта Драгоценного и его закадычного друга детства Сергея Мещерского. Об этом велись у них нескончаемые душевные беседы зимой за кружкой пива. Катя о рыбалке на какой-то там плавучей базе в качестве отпуска и слышать не хотела. Но слишком быстро поняла, что бороться с мечтой,

с заветным желанием мужа и его дружка детства ей не по силам. Кто одолеет мечту? Никто. Может быть, только другая, более сильная, еще более заветная мечта.

И надо же было так случиться, что Драгоценный улетел в Пермь, а через два дня после его отбытия у Кати на работе произошло именно это – четыре трупа в сауне на территории бывшего порохового завода и еще один в Мамоново-Дальнем на территории заповедника. И все это всего за одни дежурные сутки.

Подобного в Подмосковье не было никогда – и в этом с Катей соглашались почти все, с кем ей удалось пообщаться на местах обоих происшествий. Такого не было никогда. В этой чертовой бане неясным осталось, даже после многочасового осмотра, самое главное – что же это в конце-то концов, групповое самоубийство или же...

Трупов повешенных Катя не видела. Их уже увезли в морг на срочное вскрытие. Вопросы Колосову не задавала – он просил пока оставить его в покое. Молча следила за тем, что он делал. А делал он следующее: весьма долго и тщательно осматривал вместе с экспертами вытащенную из бассейна мокрую надувную диван-кровать. Почти весь воздух из нее уже успел выйти, и она была похожа на оболочку гигантского плода, лишённого мякоти. На этой оболочке эксперты пытались отыскать пригодные для идентификации отпечатки пальцев. Катя после того, как они закончили, украдкой прикоснулась к вещдоку – надувная кровать была сделана из синтетического материала, бархатистого и мягкого на ощупь. Наверное, спать на ней было удобно. Но кто и для чего приволок эту штуковину в сауну? Плавать на ней в бассейне, как на надувном матрасе, было невозможно – в надутом состоянии кровать занимала почти всю площадь бассейна. Колосов кивком указал Кате на небольшое продольное отверстие – найти его в складках оболочки было непросто. Эксперт определил, что отверстие это не что иное, как след от ножевого пореза. Получалось, что кто-то полоснул по надувному боку матраса ножом – и опять же непонятно с какой целью? Просто для того, чтобы повредить эту дорогую новинку – любимый товар телемагазина?

Покончив с этой непонятной уликой, Колосов перешел к осмотру вещей погибших. Их уже осматривал следователь прокуратуры и оперативники из отдела убийств, работавшие в отсутствие своего начальника. Вещи – одежда, обувь, спортивные сумки – были аккуратно разложены на столе в холле-предбаннике. Вроде бы ничего необычного – добротные мужские вещи хороших европейских марок. Четыре пары обуви, два кожаных портмоне, две визитки – обе с ключами, две вместительные спортивные сумки «Пума» и «Рибок», один спортивный рюкзак – яркий, новый, четыре пары мужских носков, футболки, нижнее белье, две пары солнцезащитных очков – и нигде никаких документов: ни паспортов, ни водительских удостоверений, ни страховых карточек – ничего. Не было среди вещей и мобильных телефонов – словно кто-то специально изъял их, обрывая все нити, все связи, по которым можно было бы установить личности повешенных.

И все же одну зацепку – важную – Колосов отыскал. Катя наблюдала, как он осматривает сумки, шарит в карманах спортивных брюк, толстовок и олимпийек. Его внимание привлекла сложенная вчетверо бумажка, глубоко засунутая в боковой карман рюкзака – видимо, следователь прокуратуры просто не обратил внимание на этот потайной карманчик. Колосов расправил находку – это был медицинский рецепт. Катя, заглянув в него, сумела разобрать лишь то, что это рецепт на винпоцетин, выписанный на имя Федай В.В., – треугольный штамп поликлиники внизу был смазанным, нечетким.

На этом медицинская тема не кончилась – со дна одной из сумок Колосов извлек пластиковый пузырек, на этикетке которого шариковой ручкой было коряво написано «Витамин В³ – разовая доза 4–5».

Вещи, несомненно, хранили отпечатки своих владельцев, но пока еще было неясно, что из вещей конкретно кому принадлежит.

Судя по всему, впереди предстоял долгий поиск. Когда Катя вместе с оператором собралась уезжать, этот поиск был только в самом начале – Катя слышала, как Колосов звонил в главк, просил сотрудника срочно пробить данные по Федаю В.В. Возможно, эту фамилию носил один из повешенных – вот только кто из четверых? Оставалось только надеяться на удачу, ведь фамилия довольно редкая. Катя с тоской подумала: а что если бы рецепт на лекарство винпоцетин был выписан на фамилию Иванова? «Нет, я не буду, я прекращаю, я уже прекратила думать об этом сегодня, – внушала она себе дома, в ванной, выливая на голову сразу полбутылки цитрусового французского шампуня. – Я подумаю об этом завтра. Я подумаю об этом завтра. А сейчас спать, в кровать и никаких кладбищ, никаких ножевых ранений, никаких рецептов, никаких мертвецов».

Завтра был выходной день – суббота. Но вместе с первой в этом сезоне грозой она принесла с собой такие события, что думать о чем-то, кроме них, Катя на какое-то время просто лишилась способности.

ГЛАВА 7 В НОЧЬ НА ПЕРВОЕ ИЮНЯ

И надо же было так случиться, что в тот памятный поздний вечер – вечер субботы – перед тревожным звонком Кати Сергей Мещерский как раз целиком был погружен в мечты. Бывает так в выходные, особенно если вы молоды, одиноки, если вернулись, наконец, домой после долгих странствий, где видели немало нового и любопытного. Дела туристической фирмы «Столичный географический клуб», совладельцем которой являлся Мещерский, в последнее время заставляли его по нескольку месяцев проводить за границей – в Таиланде, Индии, Непале. Фирма традиционно специализировалась на экстремальных экзотических путешествиях и активно осваивала все новые и новые маршруты – в Лахор, Кашмир, Бутан, в западную Бенгалию, Раджастан и Бангладеш. Март Мещерский провел с экспедицией в Лахоре, а в конце апреля слетал на остров Пхукет, чтобы убедиться лично, в каком состоянии находится знаменитый тайский курорт после цунами и есть ли вообще смысл заключать с местными отелями контракты на ближайшее будущее.

«Пляжников»-туристов, честно признаться, Мещерский просто не переваривал, но где было найти столько экстремалов, мечтавших о путешествиях в Тибет и в Гималаи, столько спелеологов, альпинистов, уфологов, рерихианцев и рокеров, жаждавших неизведанного и вместе с тем способных выложить за экотур в Индокитай две-три тысячи баксов? А «Столичному географическому клубу» надо было как-то выживать в жестокой конкурентной борьбе. Поэтому его основателю и совладельцу Сергею Мещерскому приходилось, скрепя сердце, терпеть и оголтелых пляжников – москвичей, волгарей и сибиряков, этих детей зимы, стосковавшихся по южному солнцу, и желавшую исключительно крутого «отвязза» братву из Хабаровска и Красноярска, признававшую отдых только в тайских массажных салонах с девочками, и разных сумасшедших, «открывших» вдруг у себя «экстрасенсорные способности» и рвавшихся во что бы то ни стало приобщиться к тайнам аюрведы и тибетской медицины.

Все это приходилось терпеть. Но, к счастью, все это с лихвой компенсировали чудеса – процессия слонов, случайно увиденная из окна джипа на улицах Дели, фантастический восточный базар в Карачи, крики обезьян и павлинов за затянутыми сетками окнами маленького отеля в Удайпуре, ветер, приносящий с Сионийских гор пряные ароматы джунглей, и великая река Брахмапутра, по которой так и подмывало отправиться в плавание на личном теплоходе магараджи княжества Бунди, который по молодости лет учился в СССР и – вот совпадение – был вашим закадычным однокашником по Институту имени Лумумбы.

И надо же было такому случиться, что в этот вечер – вечер субботы, ставший своеобразным мостом ко многим ужасным и трагическим событиям, о которых так хотелось забыть поскорее, Мещерский находился в состоянии полной нирваны. Попросту говоря, валялся перед телевизором на обломовском кожаном диване после солидной субботней порции армянского коньяка. Лежание было вызвано отнюдь не ленью, а безмерной усталостью. Всю субботу Мещерский как пчела трудился по дому. Пылесосил как бобик, вытирал вековые залежи пыли, жарил куренка в духовке и как проклятый, как раб крутил белье в допотопной стиральной машине, в сотый уже, наверное, раз давая себе слово купить продвинутый «автомат» с сушилкой, отжималкой, полоскалкой, программным управлением и прочими полезными в хозяйстве прибамбасами. Но в том, что он весь выходной был сам себе домработник, Мещерский не признался бы даже под угрозой расстрела – особенно другу Вадиму Кравченко и особенно его жене Кате, Катюше...

«Женится тебе, Сережечка, надо, – твердила она все чаще, вся мягче и все деликатнее, – пора... Ну, хочешь, я с Ниной поговорю, а? Ты ведь помнишь Нину? Она так похорошела, и детеныш у нее немножко подрос – такой забавный, он тебе обязательно понравится. Ты ведь детей любишь, я знаю. Ну, хочешь, я с ней завтра же этот вопрос провентилирую?» Мещерский на это отвечал с детским простодушием: «Какой вопрос?» Катя лукаво умолкала. А ее муж, друг детства и собрат по духу – мужскому, корпоративному, Вадим Кравченко противно и очень многозначительно хмыкал. И тут же вспоминал давнего институтского кореша Витюху Мамурина, который жил, жил себе преспокойненько тридцать лет и три года и вдруг бац! – женился. «Да, – повествовал Кравченко, шурясь, как кот, – женился Витюха наш, а что из этого вышло? Помнишь, Серега, что вышло?»

Мещерский помнил – собственно не вышло у Витюхи Мамурина ни шиша. Был суд и развод через пару лет. Мамурин жены своей бывшей не любил никогда. Сам в этом потом признавался. Не любил, как Данте любил Беатриче, и как счастливец Коля Остен-Бакен любил нежную Ингу Зайонц. А женился, оказывается, так – от скуки и по глупости, по совету друзей и по настоящему пустому словечку «пора». Мещерский сравнивал себя с Мамуриним – получалось, что они были в этом коварном вопросе как братья, ведь Мещерский тоже совсем не любил хорошую и добрую подругу Кати красавицу Нину, женится на которой по какой-то совершенно непонятной причине ему было «уже пора».

Эх, Катя, Катя... Что же ты наделала? Своими советами, вообще своим существованием на этой планете... Собственно, Мещерский никогда ни в чем Катю не винил – упаси бог. Не винил он и друга детства Вадима Кравченко – успел-таки, подсуетился, обаял, пришел, увидел, победил. Стал мужем, распустил над Катей орлиные крылья – мое, не тронь. Винил во всем Мещерский всегда одного себя – эх, мямля, интеллигент, а нет, чтобы ребром этот вопрос в свое время поставить, настоять, решить все по-мужски, может, тогда бы и...

Но нет. Увы, увy, увy, увy... И тут Мещерский сравнивал себя уже не с бедолагой Витюхой Мамуриним, а с Колосовым Никитой. Вот человек цельный, который все вопросы может ставить ребром и все решает всегда сугубо по-мужски. И в зубы может дать – с его-то физическими данными это плевое дело. Но решает-то он все вопросы... кроме одного.

В этот вечер субботы после притупляющей ум стирки и готовки Мещерский, потягивая коньяк, размышлял о Никите. Вспоминал день его рождения, который отмечали они в дешевеньком баре на Пресне. Колосов настойчиво приглашал Катю. Она обещала быть и не пришла. Конечно, из-за Кравченко – Мещерский точно это знал, только не озвучивал сию версию, не желая сыпать соль на раны друга Никиты. Никита с Кравченко друг друга не переваривали и никогда не сидели за одним столом, не раздавливали по банке.

– Вот почему все так? – глухо спросил Колосов. Он здорово нагрузился – таким пьяным Мещерский никогда его не видел.

– Да потому. Все потому, – ответил, вздыхая, Мещерский. Лежа на диване, он снова вздохнул, как бы вспоминая, дублируя тот свой горький вздох. Тогда с Никитой они понимали друг друга с полуслова, с полунамека.

– И аквариума нет – проклятье, – Колосов стукнул кулаком по столу.

– Какого аквариума? – спросил Мещерский.

– Такого, что «пейте рыбы за мой день рождения», – Колосов любил песню Высоцкого «День рождения лейтенанта милиции в ресторане „Берлин“, но цитировал ее только в крайних случаях, а водку в аквариумы в присутствии Мещерского не выливал никогда.

– Что поделаешь? – Мещерский сочувствовал другу. – Ничего тут не поделаешь.

Колосов снова саданул кулаком по столу – подпрыгнули бокалы, бутылка.

И тогда – это Мещерский отчетливо помнил – они заговорили про мечту. Колосов тихо сказал:

– Никогда в жизни ничего так не желал, понимаешь, Серега?

И Мещерский понял, что речь шла совсем не о том, чтобы Катя явилась в этот задрипанный пивной подвальчик и поздравила Никиту с тридцатитрехлетием. Речь шла о чем-то гораздо большем, в корне меняющем судьбы – и Катину, и Кравченко, и колосовскую.

– Никогда ничего так не хотел. Думаю об этом постоянно, – изливал душу Колосов. – На работе мозги сохнут, вкалываешь как... А встречу ее и... Она ж меня в упор не видит, Серега. Если нет убийства какого, трупешника, по которому статейку можно настрочить, она ж меня за километр обходит. Не интересен я ей без всего этого, понимаешь ты или нет?

– Что ты мелешь? – оборвал его Мещерский. – Она... Катя к тебе хорошо относится. Просто она...

– Ну что – просто она?

Мещерский тогда снова вздохнул – сказать Никите «просто она тебя не любит, потому что любит Вадьку Кравченко» язык не поворачивался. И так вон у Никиты кулаки сжимаются и в глазах искры-молнии.

Мещерский решил деликатно перевести разговор на другую тему. И вот как это у него тогда получилось:

– Знаешь, – сказал он, прикуривая, – когда я в прошлом году был в Индии, наши ездили в Путтапарти – городок там такой есть – в ашрам к Сай Бабе. Рассказывали такое, что и я не выдержал, поехал.

– Чего-чего? – угрюмо спросил Колосов и долил из бутылки.

– Ашрам – это храм, а вокруг него что-то вроде монастыря. С виду похоже на пряничный замок – голубое, розовое, везде орнамент, позолота, фигурки индийских божков. И тысячи паломников, все в белых одеждах. Там такая огромная веранда крытая, как вокзальная площадь, и они все часами сидят на ней и ждут выхода Сай Бабы.

– Кого?

– Сай Бабы. К нему едут со всего мира.

– Зачем?

– За... Ну, одни за исцелением от болезни. Другие за просветлением. Третьи за исполнением мечты. Считается, что если очень сильно захотеть и попросить Сай Бабу – лично, мысленно или отправив ему письмо с описанием своей мечты, своего самого заветного желания, он это желание непременно исполнит.

Колосов вскинул голову.

– Он вообще кто? – спросил он.

– Он гуру.

– Ерунда. Такого не бывает.

– Знаешь, я пошел в ашрам. Нас целая группа была с переводчиком. Сидели мы три часа ждали выхода гуру, – Мещерский рассказывал сказку, чтобы отвлечь друга – день рождения все же день знаковый, создан для радости, не для печали. Ну и пусть, что Катя не пришла, и что аквариума нет под рукой, как в песне. – Сидели мы, сидели, потом он вышел, и я его увидел только издали. Он...

– И чего ты у него попросил?

– Ничего. Я растерялся сначала. Потом обрадовался, сам не зная чему – вот живу, вижу мир, езжу по Индии, вот нос у меня облупился от загара... Я мысленно с ним поздоровался и... Я не знаю, как тебе это описать – странное ощущение вот здесь, – Мещерский приложил руку к груди. – Мы ведь в какой-то степени с тобой братья по несчастью... Да-да, чего смотришь? Братья, друзья. Я даже ведь познакомился с ней гораздо раньше тебя... Так вот, я бы посоветовал тебе послать Сай Бабе письмо или самому туда со мной поехать. А вдруг и...

– Чушь ты мне какую-то впариваешь по доброте душевной. Эх, Серега, славный ты человек, люблю я тебя за это, но... Чушь ведь все это, такая детская чушь.

– Разве ты не хочешь, чтобы твоя мечта исполнилась? – спросил Мещерский.

- Очень хочу.
- И разве ты не желаешь чуда?
- Желаю, но...
- Так вот же – говорят, это и есть самый верный путь к исполнению мечты.
- Кто говорит-то?
- Люди, тысячи людей из разных стран. Неужели все они дураки или обманщики?
- Написать письмо какому-то индийскому гуру? – Колосов хмыкнул. – А может, мне лучше самому постараться исполнить свое желание?
- Это как же? – спросил Мещерский.

Колосов демонстративно распахнул куртку – указал глазами на кобуру с табельным пистолетом, с которым не расставался:

- А так вот.
- Дуэль? – Мещерский поднял брови домиком. – Болван ты, Никита. Ну что это даст? Скандал, следствие. Да Вадька стреляет как бог – он где работал-то до того, как в личники подался, знаешь? В ФСБ. И потом, даже если ваши ревнивые мозги что-то там подобное и сварят, и пуля у виска прожужжит, это все равно ничего не изменит и не решит.
- А что решит? Вояж в этот, как его там... в ашрам?
- Может, и это тоже ничего не решит, но... Мне как-то комфортнее жить на свете становится, когда подумаю, что вот, мол, есть такое место на свете, где исполняются мечты.
- Советуешь ехать в Индию? – усмехнулся Колосов. – Посоветуй, что полегче. Откуда у нищего опера бабки на полет за три моря?

- А ты пожелай, чтобы Сай Баба прислал за тобой самолет.
- Ага, держи карман... А сколько желаний он исполняет – что об этом говорят люди? – после небольшой паузы спросил Колосов. – И потом, что делать, если чьи-нибудь желания на сто процентов совпадают – ну, например, друг Серега, как в нашем с тобой конкретном случае?

Мещерский тогда не нашелся что ответить. А действительно, что делать? И как выходит из положения гуру из Путтапарти?

Сейчас, ворочаясь на диване, глядя на то, как постепенно сумерки за окном густеют, темнеют, и вечер превращается в ночь, он просто мечтал о том, что все же здорово было бы собраться всем вместе и, невзирая на ревность, любовь, уязвленное самолюбие, гордость и душевные раны, большой дружной компанией сесть на рейс Москва – Дели и отправиться туда, в страну чудес. И там, в этой чудесной стране...

К реальности Мещерского вернул телефонный звонок. Звонила Катя – она задыхалась. Мещерский даже испугался – неужели что-то с Вадькой там, в этой Перми? Но проблема была не в убывшем в очередную командировку друге Кравченко. Катя выпалила:

– Сережечка, приезжай, у нас такая беда! Я у Анфисы. Помнишь Анфису? Она мне час назад позвонила в панике. Она вся в крови, ранена в руку. Тут у нас «Скорая».

– Да что стряслось-то? – Мещерский вспомнил Анфису – занятная такая толстушка, фоторепортер по профессии. И тоже Катина подруга.

– Ты не поверишь. Да и я сначала не поверила, но теперь верю, – голос Кати срывался от волнения. – Анфиса говорит – на нее напали. Якобы кто-то хотел ее убить. Сережечка, милый, у меня голова кругом, скорее приезжай!

Мещерский глянул на часы – было без пяти минут полночь. Вот-вот с двенадцатым ударом курантов 31 мая должно стать 1 июня. Получалось, что нынешнее лето начиналось с какой-то фантазмагии, суть которой сводилась к невероятному – милейшую Анфису, девочку-пончик, душку-толстушку, которую Мещерский и видел-то всего пару-тройку раз в обществе Кати, кто-то хотел убить. Мещерский тут же сказал сам себе словами Колосова – чушь. Что за бред? С какой стати и за что? Кому нужна Анфиса? Они или разыгрывают

его специально на пару, проверяют, или вообще в отсутствие Вадьки насмотрелись ужасиков, начитались своего любимого Лавкрафта, и теперь им мерещится невесть что. Но Катин голос... Она сказала «здесь „Скорая“, сказала „Анфиса ранена в руку“... Он ринулся в прихожую – черт, где права, где ключи от машины?! С этой уборкой ничего в собственном доме не найдешь. О том, что его в легком подпитии запросто может тормознуть первый же попавшийся гаишник, Мещерский даже не подумал. Он пытался вспомнить адрес девочки-пончика – кажется, Анфиса проживала в Измайлово на какой-то там Парковой улице. Было дело, он, Мещерский, однажды подвозил ее вместе с ее парнем с Катиного дня рождения.

«Ничего, там, на месте дом вспомню визуально», – легкомысленно решил он. Звонить Кате, когда она в таком состоянии, уточнять «а по какому адресу, собственно, прибыть вас спасать?» было как-то совсем не по-рыцарски. А рыцарем верным, без страха и упрека, без особых, уж если на то пошло, притязаний так хотелось быть! Может, именно в этом и заключалась самая заветная, потаенная и самая дорогая для одинокого сердца мечта.

Последний раз с Анфисой Берг Катя виделась зимой, когда они ходили вместе в кино на любимого Катей актера Райфа Файнса (сам фильм не имел значения) и чудно провели время. Правда Файнс, по которому Катя украдкой вздыхала, на Анфису не произвел ровно никакого впечатления. Катя догадывалась о причинах – Анфиса с головой была погружена в роман с человеком, который ее любил, но был женат. Женатика Катя знала – это был начальник Столбового отделения милиции Константин Лесоповалов. С Анфисой он познакомился при расследовании дела об отравлении в ресторане, по которому Анфису угораздило проходить одним из главных свидетелей. Шуму по тому сенсационному делу было много. Катя из всего происшедшего слепила яркий репортаж с продолжением для «Криминального вестника Подмосковья». Анфисе же домой начал сначала позванивать, а затем и заглядывать на огонек бравый капитан милиции, который отлично водил старенькую милицейскую «Волгу», один и без всякого бронежилета в нарушение инструкций выходил на задержание ОО – особо опасных преступников, метко стрелял из всех видов табельного оружия и даже был в самом недалеком прошлом рекордсменом района по поднятию тяжестей.

В общем, достоинства Кости Лесоповалова можно было перечислять и перечислять. Катя знала их исключительно со слов Анфисы – та захлебывалась от нежности и восторга, рассказывая о нем. Катя, знакомая с капитаном Лесоповаловым по службе, прежде, до его романа с Анфисой, больше обращала внимание на его недостатки – грубоват, резковат, на язык несдержан. Да, спору нет – смел, отважен, но как-то не по-человечески – так и прет на рожон, все что-то кому-то доказать пытается, вспыльчив как порох и, кажется, особым интеллектом не украшен. Но, понаблюдав за ним однажды – дело было дома у Анфисы, с которой Лесоповалов виделся теперь уже регулярно, она поразилась переменам в капитане милиции.

В том, что «буян и бретер» Лесоповалов влюбился по уши, уже не было никакого сомнения. В присутствии Анфисы куда что девалось – он был совсем тихий, смирный, как овца, и какой-то потерянный. Приезжая вечером, готовил Анфисе ужин, нянчился с ней, как с ребенком. Фанатично чинил все подряд в квартире – от кофеварки до утюга. Когда осенью Анфиса тяжело болела гриппом с осложнениями, он в обеденный перерыв мчался на машине из подмосковных Столбов в Измайлово – мотался по аптекам, варил горячий бульон, ставил Анфисе горчичники и возил ее то в поликлинику, то на рентген.

«Я вешу девяносто пять килограмм, – каждый раз напоминала Анфиса Кате, и голос ее при этом всегда дрожал от волнения. – Такая жуткая бомба, а он, Костя мой... Он словно жира этого моего проклятого и не замечает. Твердит, что я красивая, что он с ума по мне сходит. Я ему – Костя, дорогой, взгляни на меня, глаза открой пошире – неужели в такую, как я, – жиртрест-мясокомбинат – можно влюбиться? А он мне – не смей так говорить, чтоб я

больше такого не слышал. Ты для меня самая желанная, ты – моя женщина, для меня создана. Ты представляешь?».

Внешность и проблемы лишнего веса всегда были для Анфисы темой болезненной и острой. Душераздирающей темой. Сколько признаний было сделано Кате по этому поводу, сколько слез пролито на ее плече. Катя особой беды не видела – ну, подумаешь полнота! Ну да, Анфиса – не эталон стройности, ну так что же? Зато она умна, симпатична, добра, сердечна. Она талантливый фоторепортер, настоящий художник. Она, наконец, верный товарищ и надежный друг. И если одну из радостей жизни видит она во вкусной, калорийной пище, любит сладкое и острое, жареное и обильно приправленное специями – так и слава богу. Что уж тут такого фатального?

Но Анфиса думала, увы, иначе. Она ежедневно, ежечасно, ежесекундно боролась со своими, по ее выражению, «животными привычками», со своим аппетитом, и что только ни делала с собой, бедняга, на каких только диетах не сидела. Но все было зря – она очень мало худела и слишком жестоко нервничала. Как считала Катя – из-за сущих пустяков. Конечно, из-за пустяков! Вот ведь влюбился в нее капитан Лесоповалов, а значит... Значит все в Анфисе ему понравилось – все, даже эти ее лишние килограммы. А у него, между прочим, своя жена – худышка-стройняшка. А из этого уже следовало важнейшее открытие, которым Катя втайне страшно гордилась. Мол, не все то, что с какой-то вдруг непонятной стати признается непонятно кем и почему за эталон женской привлекательности, на самом-то деле возбуждает мужчину. Ой, не все – вот и думай своей головой, мозгу!

Одно было печально – Лесоповалов был непробиваемо женат. Дом у него был как крепость – жена, шестилетняя дочка, тесть, теща. Из-за дочки он, по его словам, не мог разрушить свой брак и жениться на Анфисе. Уговаривал ее мягко – что же делать, нам надо подождать, вот подрастет дочка, тогда уж... Анфиса была готова ждать. Она была готова на любые жертвы – лишь бы только они с Лесоповаловым могли встречаться. «Он не может бросить семью сейчас, – твердила она Кате, – и я от него этого не требую. Я все понимаю. На нем держится весь дом – ребенок, старики-пенсионеры. И жена у него не работает. Уйди он от нее ко мне – что будет с ними? Материально-то мы будем им помогать, но духовно, фактически что будет? Пострадает сразу столько людей. И главное он, я же его знаю, в душе сам от всего этого будет страдать. Нет, пусть уж лучше мне одной сейчас потерпеть придется. Ничего, я справлюсь. Я его бесконечно люблю, я так ему благодарна за то, что он обратил на меня внимание. Он радость вернул в мою жизнь, надежду. И я буду делать так, как он хочет, буду жить с ним. Буду его второй любимой женой. Женой на час».

У Кати от всех этих жертвенных рассуждений закипала в груди чисто женская злость на Лесоповалова – ах ты змей, нашел, чем запудрить мозги влюбленной романтической Анфисе. Она искренне желала своей подруге счастья. Анфисе, как и другому неприкаянному скитальцу из «Столичного географического клуба» Сереге Мещерскому, давным-давно было пора завести семью, детей. Но что было делать, раз уж судьба распорядилась вот так? Оставалось только надеяться на лучшее – на всепобеждающую силу взаимной любви, на верность Лесоповалова своим обещаниям и на то, что дочка его лет этак через десять-двенадцать действительно должна хоть слегка, да подрасти. «Да что ты мне говоришь! – отвечала на все Катини подобные замечания Анфиса. – Я не то, что десять – я двадцать лет его согласна ждать. Мне все равно – лишь бы ему сейчас и потом со мной было хорошо, спокойно».

В этом была вся Анфиса. В душе Катя считала, что капитану Лесоповалову крупно повезло, может, и не совсем заслужено. Он, мимоходом, вытянул выигрышный билет в лотерею жизни, но пока еще по молодости и ветрености не до конца это понял. Он был приятелем Никиты Колосова еще по учебе в Высшей школе милиции. А в самом конце мая сменил кресло начальника Столбового отделения милиции на должность замкомандира сводного

отряда главка, направленного в командировку на Северный Кавказ. Командировка была рассчитана на полгода. Со слов Колосова Кате было известно, что Лесоповалов добровольцем отправился в горячую точку сражаться с боевиками и террористами. Там платили командировочные, «боевые». Лесоповалов мечтал заработать денег и для семьи, и для того, чтобы, наконец-то, поехать с Анфисой отдыхать на Красное море. У нее была дальняя родня в Израиле, в Эйлате, так что с устройством в недорогом отеле проблем не возникло бы. Анфиса сама прилично зарабатывала фотосессиями и вполне могла оплатить этот отдых из своего кармана. Но Лесоповалов был человеком гордым и жить за счет своей любимой женщины считал самым последним делом. В результате чего и отправился на Кавказ.

Анфиса только и жила его звонками по телефону и письмами. Последнее письмо, как впоследствии узнала Катя, было прислано неделю назад. После долгого периода «невстреч» Катя и Анфиса планировали увидеться на открытии фотовыставки «Ночной город» в галерее на Суворовском бульваре, где выставлялись сразу несколько Анфисиных фоторабот. Анфиса была задействована в организации выставки – у галереи на Суворовском не было богатого спонсора, и фотохудожники делали все сами, работая порой и за декораторов, и за менеджеров по рекламе, и за грузчиков, когда некому было разгружать и монтировать выставочные стенды.

Открытие должно было состояться в воскресенье – Катя очень хотела пойти, чтобы порадоваться вместе с Анфисой ее успеху. Но все получилось совершенно по-другому.

В субботу о происшествиях в Скарятини и Мамоново-Дальнем Катя старалась не вспоминать. Так и свихнуться недолго, если все о работе и о работе... Но не вспоминать получалось плохо – особенно дома, за поздним завтраком. Чтобы отвлечься, она двинулась в долгое сладостное путешествие по магазинам – лето стучится в двери, так хочется чего-нибудь нового. Например, вон та милую юбочку в цветочек из «Наф-Наф» или босоножки с бабочкой на грандиозной платформе из «Рандеву». Проблуждав до обеда по ГУМу, Катя угнездилась в кафе – ела мороженое. Потом снова упоительный вихрь закружил ее по магазинам – вон та кофточка из «Бетти Барклай» идеально подойдет к вон тем укороченным брючкам из «Четырех сезонов», а вон та кенгурушка ни к чему не подойдет, но она такая хипповая, желтенькая! И гольфы нужны – как без них обойтись, и лодочки на шпильке новые замшевые не помешали бы. И сумка – вместительная, объемная – та, что глядит прямо на вас из витрины итальянского бутика и томно так подмигивает, продажно – ну, возьми меня, возьми, купи...

Эх, где вот только найти столько денег на все и сразу? К пяти Катя ополовинила месячный семейный бюджет и подумала, что на все это скажет «Драгоценный В.А.», когда вернется? Возвращаться домой она так рано не хотела, и в довершение всего отправилась на шестичасовой сеанс на «Войну миров». Обалдев от взрывов и инопланетян и оплакав в душе попорченный Голливудом гений Уэллса, она выползла из кинотеатра в десятом часу. Голова немножко кружилась от усталости, но в основном настроение было бодрое – и какие там трупы на кладбищах, какие удавленники! Черт бы их всех побрал.

Она стояла на остановке и поджидала троллейбус. Троллейбуса все не было, и она решила поймать машину – часы показывали уже половину одиннадцатого. К тому же складывалось такое впечатление, что собирается дождь. Нагруженная покупками, сумками и пакетами, Катя сунулась искать зонт – его не было, она забыла его дома. Вот и еще один повод не ждать троллейбуса, а барыней прокатиться на такси – не мокнуть же на асфальте? Она проголосовала и почти сразу же поймала частника. «Куда едем?» – спросил водитель. «На Фрунзенскую набережную», – ответила Катя, и... сработал ее мобильный – динь-дон.

– Алло, да, я. Вадик, золотко мое, это ты?

– Катя... это я.

– Анфиса, ты? Завтра встречаемся, да? Очень плохо тебя слышу. Я в машине, еду домой, давай я тебе через пять минут перезвоню, мы сейчас на Садовом в туннеле...

– Катя, я не знаю, к кому мне обратиться, – голос Анфисы, обычно звучный грудной голос, так хорошо знакомый Кате, сейчас едва шелестел. – Меня ударили ножом, полоснули по руке... Только что, прямо на улице... Столько крови – наверное, вена повреждена, я умираю, Катя, милая, мне кажется – я умираю!

Каково услышать такое от лучшей подруги в одиннадцать часов вечера в такси в туннеле на Садовом кольце? Катя на секунду потеряла дар речи. Когда обрела, заорала:

– Анфиса, ты где? Где ты, скажи мне, я еду к тебе!

– Я дома. Сумела дойти. Ты же знаешь – я не выношу вида крови... Боялась грохнуться прямо в подъезде.

– Я сейчас же вызову тебе «Скорую»! Ты еще не вызвала? Нет? Тогда я вызову. У тебя большая рана? Завяжи чем-нибудь пока. Кто тебя? Грабитель, да? Ты его успела разглядеть?

– Я не знаю, кто это был. Катя, ты, конечно, очень удивишься, но меня хотели убить!

– Ты успокойся, не трать силы. Анфисочка, милая... Ты слышишь меня, ты только, пожалуйста, не умирай! Все будет хорошо, сейчас я приеду, и все у нас с тобой будет тип-топ! Умоляю, отвезите меня в Измайлово на Пятнадцатую Парковую улицу, – крикнула Катя опешившему водителю. – Я заплачу, сколько скажете. И как можно быстрее – с моей подругой несчастье!

Летя по освещенному огнями третьему кольцу, Катя, наверное, впервые в жизни, со страхом и трепетом осознала – какой все же огромный город Москва. Ваш друг ранен, быть может, истекает кровью где-то там, в недрах Измайлова, а вы все еще не миновали Сушевский вал. И «Скорая», вызванная вами по мобильнику, может не успеть.

В довершение всего на запруженное, несмотря на поздний час, транспортом третье кольцо и на мчавшееся по нему старенькое такси с Катей, полуживой от тревоги и ужаса, с неба обрушилась гроза. Сверкали молнии, гремел гром. По крыше машины лупили дождевые струи, как из пожарного брандсбойта. По туннелям неслись настоящие реки. Кате казалось – еще чуть-чуть, и такси поплывет по магистрали как плот. Но все обошлось – они не приплыли на Пятнадцатую Парковую, а приехали – точнее влетели во двор как угорелые. Возле Анфисиногo подъезда уже стояла «Скорая». Дверь в знакомую квартиру на третьем этаже была распахнута настежь. Анфиса была жива. Ее левая рука в области предплечья была туго забинтована. Молоденький врач делал ей успокаивающий укол. На полу виднелись красные пятна и валялись окровавленные марлевые тампоны. Катя, чувствуя, что силы покидают ее, рухнула на стул.

– Ну вот и все. Рана, к счастью, неглубокая, крупные сосуды не задеты. Так что надобности ехать в больницу нет. Через три дня придете в травмпункт на перевязку. Вообще-то я советовал бы вам вызвать милицию, – высказал свое мнение врач. – Это типичный ножевой порез. Возможно, вы, девушка, стали жертвой какого-то пьяного хулигана, и милиция обязана...

Анфиса указала ему глазами на Катю: «Вот моя милиция». Катя предъявила свое удостоверение – как в этой горячке она не выронила его из сумки, расплачиваясь во дворе с шофером, – уму непостижимо.

Через полчаса врачи уехали. Катя закрыла за ними дверь. Заперла на все замки. И сразу же позвонила Сергею Мещерскому. Ей казалось, что если он приедет, то уж на пару они справятся с ситуацией гораздо лучше. И все снова встанет на свои привычные места. Анфиса, бледная, осунувшаяся, сидела в кресле, держала раненую руку здоровой, словно боялась отпустить.

– Это не был пьяный хулиган, – сказала она тихо. – Я должна тебе рассказать, что произошло. Но я не знаю с чего начать.

– погоди, я принесу тебе попить чего-нибудь горячего. – Катя ринулась на кухню. Включила электрический чайник. По-хозяйски открыла створки шкафа – у Анфисы все

полки обычно забиты баночками какао и средствами для похудения. Эра гербалайфа канула в лету, но у Анфисы просто мания принимать разные препараты «антижир» или «жироблокаторы», запивая их при этом чашечкой калорийнейшего шоколада. Шоколад Катя и приготовила, подсластила от души. А когда вернулась в комнату с чашкой, застала Анфису все в той же позе – в кресле. Она баюкала свою раненую руку, как ребенка.

– На, выпей. Может, приляжешь? – Катя протянула ей чашку с шоколадом.

Анфиса всхлипнула и жадными глотками осушила чашку.

– Катя, ты не представляешь, что было. Я так испугалась... Меня хотели убить!

– Может быть, просто пытались ограбить? Ты сумку на каком плече носишь – на левом или на правом?

– На этом, – Анфиса кивнула на повязку.

– Ну вот, так я и думала. У тебя пытались вырвать сумку, вот и полоснули лезвием. Вообще-то такой способ грабежа не типичен. Эти уличные ханурики предпочитают простой рывок, – авторитетно вещала Катя, – но тебе как на зло попался какой-то урод-новатор.

– Какой там урод-новатор! Ты о чем? Я говорю тебе – меня хотели убить. Я видела, как *оно* замахивается на меня ножом. Финка – вот с таким лезвием, – Анфиса снова всхлипнула и развела руками на полметра. – Если бы я не отшатнулась и чисто инстинктивно не закрылась рукой – вот так, – она дернулась, демонстрируя Кате по-женски неуклюжий прием, – я бы сейчас валялась в луже крови на асфальте, а ты бы звонила в похоронное бюро.

– Типун тебе на язык, – Катя рассердилась, но тут же смягчилась, подседа к Анфисе на подлокотник кресла. – Ну-ну, перестань, успокойся. Все прошло. А этого гада, что тебя поранил, мы найдем. Я сейчас же позвоню в ваше территориальное отделение милиции, – от волнения она не обратила внимания на странное словечко *оно*, употребленное Анфисой.

– Катя, – Анфиса положила здоровую руку ей на плечо, – Катя, послушай меня... Помнишь, мы были в Риме?

Катя воззрилась на приятельницу – Рим? Конечно, она помнит, как они с Анфисой прошлым маем ездили в турпоездку «Рим – вечный город». Это было как раз тогда, когда Катин отпуск (увы, увы) не совпал с отпуском «Драгоценного В.А.». Но Катя в душе была даже этому рада – Рим с Анфисой Берг понравился ей гораздо больше – они уходили из отеля в девять утра, а возвращались в два часа ночи. Ездили в Остию, в Тиволи, бродили по музеям, исходили город, изъездили на такси вдоль и поперек. Анфиса похудела от нескончаемой ходьбы больше, чем от всех своих пилуль и чаев, и была безмерно счастлива от самого сознания, что они с Катей в Риме и что она так ударно худеет. Вот только однажды вечером, на Палатинском холме в самом центре археологического музея под открытым небом с ней произошел странный припадок.

– Я помню, – сказала Катя, – Анфиса, что с тобой, тебе нехорошо? Ты вся дрожишь.

– Сегодня, столкнувшись с этим на улице, – голос Анфисы срывался, – я почувствовала себя, как тогда – возле арки Тита. Как под проклятой аркой – смертельный ужас, Катя. Отчаяние, безысходность, близость смерти.

Катя обняла подругу, крепко прижала ее к себе, стараясь не потревожить рану. То происшествие на Палатине она помнила. Был жаркий вечер. Солнце садилось за холмы. На Форуме и на Палатине было как всегда полно туристов – в музей под открытым небом претращали пускать посетителей в пять, но из тех, кто уже гулял среди античных развалин, никто еще не собирался домой, в отель. Катя с Анфисой шли по *Via Sacra* – священной римской дороге. Мимо прогарцевал конный полицейский патруль – полицейский-парень и полицейский-девушка. На глазах Кати и Анфисы они лихо припустили гнедых коней, галопом въехали на холм и остановились возле триумфальной арки императора Тита. Катя потащила Анфису к ним – ей не терпелось сфотографировать итальянских коллег по борьбе с криминалом и сицилийской мафией на фоне памятника. Арка Тита, ее барельефы, изображавшие

разрушение римлянами Иерусалима, устояли перед натиском времени. Катя сфотографировала полицейских. Те великодушно позволили это сделать и потом лихо ускакали в сторону развалин Мамертинской тюрьмы. Она сфотографировала «мельницей» арку, оглянувшись и... почувствовала, что с ее подружкой что-то не так.

Анфиса, забыв про свою мощную профессиональную фотокамеру, с которой она до этого в Риме не расставалась, как сомнамбула на ватных ногах приблизилась к арке и, не обращая внимания на запрещающую надпись, медленно вошла под ее своды. Внезапно она пошатнулась и – непременно бы упала, если бы не оперлась обеими руками о стену. Катя кинулась к ней – подумала, что от римской жары у толстушки Анфисы случился тепловой удар. Но это был не удар – Анфису била дрожь, у нее, как в лихорадке, зуб на зуб не попадал. Вдруг она глубоко, очень глубоко вздохнула и начала оседать на камни. Катя шлепнула ее по щеке, приводя в чувство, и буквально вытащила на себе из-под арки, усадила на траву. Анфиса открыла глаза – взгляд ее был странен: уплывающий в никуда, испуганный.

– Что с тобой? – тормошила ее Катя.

– Я не знаю... Что это было? Я видела... Катя, я все видела!

– Что ты видела? – Катя не понимала ничего.

– Видела, как их вели. Как жертвенный скот... С деревянными колодками на шеях, рабскими колодками... Я видела стражников, видела толпы народа по обеим сторонам дороги – они смотрели, как их ведут... Я была как бы среди них, горло саднило от пыли и ноги болели от язв, – Анфиса судорожно дотронулась до своей голой щиколотки. – Я не знаю, как это возможно, но я все видела, чувствовала – и мне было так страшно! Мне и сейчас дико страшно, сердце колотится, – она цепко схватила Катю за руку. – Они разрушили город, все сожгли. Они убили столько людей... А тех, кто уцелел в резне, продали в рабство, погрузили на свои галеры, привезли сюда и провели по этой вот дороге, вот здесь, перед лицом императора, под этими сводами...

Взгляд Анфисы был прикован к барельефу арки Тита, где римские воины вели связанных пленников Иерусалима. Кто-то из солдат тащил украденный храмовый семисвечник...

Они покинули Палатин и до поздней ночи сидели в Трастевере в летнем кафе на Пьяцца Белли. Анфиса постепенно успокоилась и словно стеснялась происшедшего. Просила Катю – не рассказывай никому, а то поползут сплетни – она с приветом, у нее видения. Удивительно, но тогда Катя поверила ей сразу и бесповоротно. Она поверила, что Анфиса в какие-то короткие секунды действительно увидела и сопережила все. Но насколько все это было реально, а насколько фантастично – это уже был вопрос иной.

И сейчас, здесь, еще ничего толком не понимая, Катя снова, не раздумывая, поверила Анфисе – поверила, что та в момент нападения пережила такой же сильный эмоциональный шок, как и тогда под сводами триумфальной арки императора Тита.

– Расскажи мне, что случилось, – попросила она.

– Если коротко, то вот что, – Анфиса прижалась к ней, словно ища защиты. – Я сегодня с трех работала в галерее на Суворовском. Там новое ковровое покрытие привезли в залы, и мне пришлось помочь ребятам. Они там все зашиваются вконец, завтра ведь открытие. Потом мы перекусили, кофейку дернули – Макс пришел, помнишь, я тебя на выставке с ним знакомила, и Женька с ним. Женька снова от него беременна – у них уже будет третий ребенок, а брак он с ней, паразит, все не оформляет официально... В общем, я с ним немножко поругалась. Ну, и припозднилась в результате. Доехала до Кропоткинской на автобусе. Вряд ли *оно* следило за мной по дороге – в автобусе и в метро, я бы непременно заметила...

– Кто оно? – на этот раз Катя среагировала.

– Подожди. Я хочу, чтобы ты все себе представила. Вышла я тут у себя из метро, и сразу подошел мой трамвай. Народу было мало, а на остановке вообще я сошла одна. Тут у нас стройка возле остановки, но и там, я думаю, никто меня не караулил. Меня ждали у дома.

Катя не стала торопиться с вопросом «кто?» – она смотрела на Анфису, та снова дрожала как в лихорадке.

– Я подошла к подъезду. Дождик еще на Кропоткинской начал накрапывать, а тут, у нас в Измайлово, начал расходиться все больше, больше. Во дворе нашем было темно, лампочки у нас как всегда над дверями подъездов вывинчивают малолетки, воруют... Но тут молния сверкнула. Я заторопилась – терпеть не могу грозу. Вбежала по ступенькам и вдруг почувствовала – спиной что ли, что я у подъезда не одна. Что за мной из темноты наблюдают. Но это мне сейчас, после всего случившегося понятно. А тогда я просто не обратила внимания – там доска объявлений у подъезда, я шагнула к ней – у нас вот-вот воду горячую отключат, и мне хотелось не прозевать – помыться там, постирать... В темноте ни фига не было видно, и я достала телефон – подсветить. И вот тут я почувствовала ужасный запах...

– Запах? – переспросила Катя.

– Ну да, натурально какой-то мертвечины. Я обернулась и увидела – Катя, в двух шагах от меня было *оно* .

– Грабитель?

– Никакой не грабитель – непонятное какое-то существо – я даже сначала подумала ребенок. Недомерок какой-то скрюченный. И запах от него – вонь мокрой кожи. Знаешь, осенью, когда все куртки кожаные напяливают – в метро не войдешь. Плохо выделанная кожа шибает в нос.

– Ты увидела кого-то, и от него несло мокрой плохо выделанной кожей, так что ли?

– Да. Этот недомерок подскочил ко мне – тут снова молния сверкнула, и я увидела, что у него в руке нож, и он замахивается на меня вот так, – Анфиса широко замахнулась. – Клянусь тебе – если бы я не отпрянула чисто инстинктивно, не заслонила бы вот так рукой, нож бы вошел мне в грудь, прямо в сердце. А так лезвие полоснуло по руке. От боли я вскрикнула, а это существо как-то зашипело, выругалось нечленораздельно – голос был какой-то полудетский и вместе с тем хриплый, злобный... Кинулось снова на меня. Я заслонила сумкой – закричала изо всех сил, начала его отпихивать от себя. Тут, на мое счастье, в наш двор въехала машина – сосед из третьего подъезда, у него джип. Музыка у него играла на полную катушку – видно, принял мужик на грудь по случаю выходного. Этот шум меня и спас. Существо отскочило как ошпаренное и словно растворилось в темноте. Я потрогала плечо – смотрю, кровь, рукав куртки весь промок. Я побоялась упасть прямо там, на ступеньках, бросилась в подъезд. Катя, мне было так страшно, я думала – сейчас сосед уйдет к себе, а *это* с ножом вернется и прикончит меня прямо в подъезде. Кое-как добралась до квартиры, думала, что кровью истеку, поэтому позвонила тебе. У меня сейчас, когда Костя в отъезде, кроме тебя никого нет...

– Значит, нападавшего ты не рассмотрела? – спросила Катя.

– Говорю тебе – нет. Злобный какой-то недомерок – метр с кепкой, вонючий...

– Может быть, беспризорник, бродяжка? – предположила Катя. – Сейчас их столько развелось, в приемники направлять не успевают. А мыться, сама понимаешь, им на улице негде.

– Не знаю... Но это точно был не грабитель. И не мужик, – Анфиса кашлянула. – Если бы ему надо было меня ограбить, он бы ограбил – выбил бы из руки телефон и утек с ним. Но ему вещей моих не нужно было. Катя, ты не видела, какой у него был нож! Меня ждали у подъезда, специально, чтобы убить.

– Но почему? – не выдержала Катя. – По какой причине? Анфисочка, ну подумай, кому потребовалось тебя убивать? За что?

– Я не знаю.

– Ну, вот видишь! Это был какой-нибудь бродяжка, он...

– Я не знаю, – повторила Анфиса. – Я могу только догадываться.

– Догадываться? О чем?

– О причинах. Точнее об одной причине.

– Анфиса!

– Катя, подожди... То, что я тебе рассказала, – это короткий вариант.

– Есть длинный?

– Кажется, есть. Доказать, что тут имеется какая-то связь, я не могу, мне нечем. Ты должна верить мне – я сердцем чувствую после всего, что со мной произошло...

– Ну что, что ты чувствуешь сердцем, Анфиса? – мягко спросила Катя. В душе она решила не спорить и не возражать – в таком состоянии, в котором сейчас находилась ее подруга, лучше с ней во всем соглашаться, пока она окончательно не оправится от потрясения.

– Я чувствую... Я предполагаю. Я убеждена – другой причины точно нет. А это... тоже мало похоже на причину, но уж больно странное происшествие...

– Какое еще происшествие?

– Это случилось позавчера, нет позавчера – в среду. Но ты должна сначала сама это увидеть.

– Что я должна увидеть? Анфиса, милая, давай-ка ты приляжешь, а я найду в твоей аптечке валокордин и...

– К черту валокордин! Катя, ты должна это увидеть своими глазами. Дай мне, пожалуйста, вон ту коробку, – Анфиса указала на стоявшую на подоконнике красную картонную коробку, разрисованную черными птичками-галочками, из тех, что по дешевке продаются в «Икее».

Тут в прихожей пискнул домофон.

– Кто это? – вскрикнула она. – Кто это может быть так поздно?! Катя, это опять он, точнее *оно*... Не впускай его, не открывай!!

Нервы у нее уж точно были совсем не в порядке. Катя решила завтра же утром позвонить другой своей подруге Нине – она врач, она подскажет, куда обратиться.

– Кто там? – спросила она, на цыпочках подходя к двери.

– Это я, – голос принадлежал не ночному призраку с ножом, а Сергею Мещерскому, – Катюша, это ты? Наконец-то, методом «тыка» я вас нашел! Я тут уже полчаса езжу между домами, адрес в памяти восстанавливаю.

– Поднимайся на третий этаж, – велела Катя, – Анфиса, не волнуйся, это Сережка приехал. Помнишь Сережку? Я подумала – лучше будет, если сейчас в этом доме появится мужчина.

– Этот шибзик? – Анфиса хмыкнула. – Тоже мне мужчина. Ну ты даешь, Катька. Да он мне по локоть и тебе по локоть. От кого он нас с тобой сумеет защитить?

ГЛАВА 8 АНГЕЛИНА

Ангелина Зотова открыла дверь квартиры своим ключом. Хоть отец и дома – вон телик орет-разоряется на кухне, – звонить бесполезно. С отцом у Ангелины – война холодная и беспощадная.

В тесной прихожей, где сам черт ногу сломит от разного хлама, горит тусклая лампочка. Сколько помнит себя Ангелина, эта постылая лампочка вечна. На улице хлещут потоки воды, гроза. А здесь в ободранной прихожей сухо, как в крысиной норе. Нора. Я вернулась в свою нору. И я не сделала то, что должна была сделать, не сумела – Ангелина без сил прислонилась к двери, секунду постояла в оцепенении. Потом медленно, словно каждое движение причиняло ей боль, начала стягивать с плеч насквозь промокшую кожаную куртку, испускавшую смердящую вонь сгнившей мездры. Куртку давно пора было выбросить на помойку, но Ангелина этого не делала – внешний вид и запах, исходивший от ее одежды, был ей совершенно безразличен. Она провела рукой по лицу, стирая дождевую влагу, – ничего, сейчас, сейчас, все опять войдет в норму. Она ведь только что прямо на лестничной площадке приняла новую дозу. Сейчас все снова будет ништяк. И силы появятся.

Собственное отражение в зеркале заставило ее отвернуться. Нет, зеркала не созданы для таких, как она. Однажды летом она решила даже усугубить это впечатление – взяла и обрилась под ноль. Ходила, чувствуя себя совсем парией, отверженной. Но эта отверженность была сродни печати избранничества. Парни на улице глядели как-то странно, с прищуром. Почти все они были акселераты и казались Ангелине великанами. Если вы появились на свет женщиной, очень низкорослой женщиной, почти карлицей, «кнопкой» – весь мир представляется вам подошвой мужского сапога, подбитого гвоздями, который вот-вот наступит и раздробит вам хребет.

Тяжелые сапоги военного образца имелись у отца – Ангелина помнила их с одиннадцати лет.

– А, явилась наконец, – голос отца с кухни.

– Не твое дело, заткнись.

– Я сейчас так заткнусь – не встанешь!

Ангелина прислушалась – судя по голосу, уже хорош. Но пьет сегодня один, без приятелей – без гнилозубого, насквозь прокуренного Матвеича с четвертого этажа, без вечно потного Жоры, без Силуянова с Черкизовского рынка, который гаже их всех. Она прошла в ванную – замызганную, оплеванную, открыла воду и сунула голову под кран. После таких дел хоть отмокай как вобла... Такими делами она еще не занималась – это было впервые. И неудачно. Ничего, первый блин всегда комом. Удар был неловкий, замах слабый... В следующий раз, который ждать себя не заставит, она знает, как и куда бить. Она снова взглянула на себя в зеркало. Сжала кулак и поднесла его к стеклу.

Внезапно ее снова охватила слабость. Так уже бывало – и спешный прием таблеток не помогал. Сначала небывалый подъем сил, веселое животное бешенство – кажется, горы свернешь и любого встречного разорвешь пополам. А потом внезапно полный упадок сил. Холодный пот на лбу – вот как сейчас... Колени как ватные – видимо, от пережитого напряжения. Все-таки, что там ни говори, а мандраж ее бил – там, у этого чертова подъезда на Пятнадцатой Парковой.

Но так и должно быть – плоть человеческая слаба, тем более такая хилая, женская. Зато дух... Он говорит: надо полностью покориться, сдаться всемогущей силе. И она понесет тебя на своих крыльях. И пребудет в тебе, а ты – в ней.

В животе громко заурчало. А жрать-то, оказывается, хочется всегда – даже после того, как увидела чужую кровь... Надо идти на кухню – там отец, но там и холодильник. По крайней мере, рисовая каша в кастрюльке должна остаться. Холодный рис и вода – это был ее собственный «обет». Она посадила себя на такой рацион в порядке самодисциплины – это хилое, маленькое, сутулое женское тело должно почувствовать, кто над ним истинный хозяин.

В кухне, в раковине – грязные тарелки, на плите кастрюли. Это отец варил себе какое-то мясное хлебово. Трупоед. Нестерпимо пахнет мясом, лавровым листом. На столе недопитая бутылка водки, соленые помидоры, сало с розовыми прожилками, с чесноком.

Ангелина слотнула слюну, перевела взгляд на красный, в складках затылок отца. Трупоед. Все они – трупоеды, гниды и лавочники: отец, его нынешняя сожительница Шурка, Силуянов – у всех у них торговые палатки, пивные ларьки. Нет, они не алкаши, не люмпены, они – лавочники, крепко, со вкусом пьющие под мясную закуску за ужином в конце своего трудового торговашеского дня.

Отец оглянулся через плечо, распространяя запах перегара и чеснока. Ангелина, опустив глаза, прошла к холодильнику.

– Что, жрать захотела, шлюха?

– Не твое дело.

– Значит там, где до ночи шляешься, жрать тебе не дают? Домой взашей гонят?

– Отстань от меня! – Ангелина замерла перед открытым холодильником, чувствуя спиной взгляд отца. Вот, вот оно снова – точно огненный цветок внутри – и слабости никакой нет. Ничего нет, только гнев поднимается, растет, подкатывает пылающим шаром к сердцу. Вот так было и тогда, полгода назад, зимой. Памятные зимние дни, когда она чуть было не сорвалась, чуть было не убила отца.

Прошлое никогда не умирает. Оно вечно с нами – верно сказано. И его, порой, неохота вспоминать. Зимой семейная война Зотовых из холодной стала горячей, как лава, – застарелый нарыв взаимной ненависти лопнул. Отец, пьяный, избил ее вот здесь, на кухне так, что она потеряла сознание. А очнулась на полу с одной-единственной мыслью – убить его, освободить от его существования сам воздух их тесной квартиры. Нет, наверное, все-таки в тот раз отец в злобе своей что-то ей и в мозгах отбил, как отбил почки. Что-то перевернулось в голове и замкнуло – мысль об убийстве была такая тихая, простая, такая житейски обыкновенная... И ни страха, ни мандража, ни упреков совести – ничего. Только два слова, как новый пароль, – надо убить. Пора избавляться, иначе он меня доконает.

План убийства сложился вроде как сам собой – нехитрый: вот возьму и волью ему в суп ядовитое средство для прочистки засоров в раковинах. Он, пьяный, не заметит, сожрет – там и полполовника достаточно. И если уж канализацию чистит, пробивает эта кислота, то уж кишки его поганые прожжет насквозь, никакие хирурги дыры не залатают. И он наконец-то умрет и не будет больше отравлять воздух своим дыханием, полным перегара, мата и непрерывных оскорблений: ах ты, сука малахольная, вся в мамашу свою. Еще неизвестно, от кого ты прижита, сука подзаборная, я все эти девятнадцать лет сомнения имею, что ты моя дочь!

У отца с матерью была своя война. Мать отца в молодости не любила – а за что его, такого зверя, было любить? – а свадьбу играла уже на пятом месяце, беременная ею, Ангелиной. Отец подозревал, что ребенок не его. Андрюшку, брата младшего, вроде любил, потому что тут уж не сомневался – своя кровь, зотовская. Но и его бил, пьяный, драл ремнем нещадно. Андрюшка не дожил до двенадцати лет – играл в футбол во дворе с пацанами и неожиданно упал – все врачи удивлялись, небывалый случай, инфаркт в таком раннем возрасте! Мать после его похорон чахла на глазах от горя. И вскоре тоже умерла, оставив шестнадцатилетнюю Ангелину наедине с отцом.

В день сороковин по матери отец, пьяный до беспамятства, вошел в ванную, где мылась Ангелина, сроду не запиравшаяся на крючок. Она почувствовала его тяжелые ладони на своем щупленьком голом теле. Забилась, пытаясь вырваться из его медвежьих объятий. Он хлестнул ее мочалкой по лицу, наотмашь, прижал спиной к холодному кафелю. Когда она впиалась ногтями ему в щеку, он, изрыгая проклятия, выволок ее за волосы из ванной и начал нещадно избивать. Так вот и началась взрослая жизнь Ангелины.

Средство от засоров она купила на рынке на «Пражской». Вполне подходящее средство – в черной бутылке, с яркими категорическими предупреждениями: «Беречь от детей. При попадании внутрь немедленно обратиться к врачу!» Весь день она болталась по Москве – мерзла, куря сигаретки, в сквере на Пушкинской, грелась то в «Макдональдсе», то в подземном переходе у ларьков. Отец, как правило, возвращался домой к девяти вечера. А суп его – куриная лапша, сваренная им накануне, стоял в холодильнике. Надо было только переступить последнюю черту – поехать домой и влить жижу из черной бутылки в кастрюлю.

Уже пора было ехать домой, но что-то словно удерживало Ангелину. В пять часов вечера она снова зашла в «Макдональдс» выпить горячего кофе на дорожку. Бутылку со средством поставила прямо на стол – чтоб была на глазах. Она прихлебывала дымящийся кофе и думала – точнее, старалась как можно спокойнее думать о том, как вот сейчас минут через пять встанет из-за столика... да, встанет, натянет старенькие перчатки, накинёт на голову капюшон пуховика, выйдет на улицу, спустится в метро, приедет домой, откроет холодильник и вольтет этому ублюдку, этому сучьему лавочнику кислоту прямо в...

– За такие вещи, кнопка, дают минимум пятнадцать лет, а то и пожизненно. Выйдешь в сорок – на вид старуха старухой с трахомой, гонореей и туберкулезом. Стоит ли игра свеч? Ведь он и так умрет, и скоро умрет, не беспокойся. Он ведь намного старше тебя. Придется только чуть-чуть подождать. В самом крайнем случае найдешь другую работу с большим заработком, снимешь комнату и переедешь...

Голос, произнесший все это, был мужской, мягкий, какой-то обволакивающий, парализующий и волю, и ум. Ангелина подняла глаза: за соседним столиком в полушаге от нее сидел мужчина в дорогом черном кашемировом пальто и пестром шелковом кашне. Он был похож на иностранца. Волосы у него были светлые – какого-то ненатурального платинового оттенка. Взгляд был прикован к лицу Ангелины – она даже моргнула, точно ресниц ее внезапно коснулась легкая паутина.

– Дай бутылку мне, – сказал незнакомец и протянул руку. – Так будет лучше для тебя, поверь мне.

Ангелина резко поднялась – пластиковый стакан с недопитым кофе опрокинулся, коричневая лужица растеклась по столешнице, закапала на пол. Ангелина глубоко вздохнула и... села обратно. Потом она как бы со стороны увидела свою руку, сжавшую бутылку, – вот она тут, на столе, а вот уже тянется к незнакомцу.

Он забрал бутылку, усмехнулся уголками красивых губ и сунул ее в боковой карман пальто.

– Вы что... читаете чужие мысли? – спросила Ангелина хрипло. – Я в это все равно не верю, слышите вы?

– Не веришь во что? – спросил незнакомец. По возрасту он годился ей в отцы – нет, уже потом ей всегда хотелось думать – не в отцы, в старшие братья. У него было молоджавое, мальчишеское лицо, покрытое сеткой мелких морщинок. Ангелине хотелось на него смотреть.

– Во что? – повторил незнакомец и улыбнулся.

– В такие дурацкие фокусы.

– Ну и ладно. Я разве прошу тебя верить? Бутылка-то уже и так у меня, – он снова улыбнулся. – А ты сейчас дашь мне слово, что не пойдешь покупать другую и вообще выбросишь подобные мысли из головы.

– Какие мысли? Вы о чем? Да вы вообще кто такой?!

Этими тремя отчаянными вопросами прежняя жизнь Ангелины Зотовой закончилась, и началась жизнь другая. Насколько же разными они были!

Отец остался цел-невредим. Он по-прежнему напивался почти каждый вечер. Но Ангелину не бил, только ревел на кухне злобно и бессильно. Бессильно – вот странно-то... Впрочем, к странности этой Ангелина быстро привыкла – ведь он сказал ей еще тогда, когда они вместе вышли из «Макдональдса»: « Не бойся, отец тебя больше пальцем не тронет. Я клянусь тебе, хотя ты, наверно, и в клятвы тоже не веришь».

А еще он говорил: «Вера двигает горами. В этом был прав галилеянин».

Порыв гнева схлынул. Ангелина, более не обращая внимания на отца, открыла холодильник и достала кастрюльку с холодным рисом. Она забрала ее к себе в комнату. Села на свой продавленный диван и... только тут вспомнила о том, о чем совсем уж не следовало забывать. Она снова тихо вышла в прихожую, сняла с вешалки вонючую кожаную куртку, нащупала в кармане твердый продолговатый предмет и, зажав его в руке, прошла в ванную. Предмет оказался ножом с выкидным лезвием. И это острое лезвие Ангелина старательно промыла под струей холодной воды, чтобы никаких пятен, никаких кровавых следов на нем не осталось. Нож она тоже забрала с собой в комнату и сунула под подушку. Снова плюхнулась на диван, сложила ноги калачиком и начала жадно поглощать рис.

Со стены на нее смотрел бело-черно-красный постер. Такие постеры можно купить у бывшего музея Ленина или же на каком-нибудь митинге неформальной молодежи, куда приходят анархисты. На постере был изображен Че Гевара. Ни за какие сокровища мира Ангелина не променяла бы добровольно этот гляцевый бумажный портрет ни на одного из живых и самых симпатичных, крепких сверстников. Этот постер был сердцем ее самой заветной мечты. А разве можно, думалось Ангелине, разменивать мечты свои, эти сокровища силы и духа, на самую обыкновенную пошлую половую жизнь в засаленной мешанской постели под бормотание телевизора за стенкой?

ГЛАВА 9 ФОТОГРАФИЯ

Мещерскому Анфиса повторила свой рассказ слово в слово. Тот, огорошенный длительными поисками адресата, присутствием взволнованной Кати, слушал, казалось, вполуха. Визирал на домашний Анфисин хаос, на пустые ампулы и использованный одно-разовый шприц, оставленные врачом на подзеркальнике, на окровавленные марлевые тампоны, которые Катя еще не успела выбросить в мусорное ведро. Анфиса повествовала, крепко прижимая к пышной груди красную коробку, словно страшную драгоценность.

– Да, история, – Мещерский хмыкнул, когда она закончила. – Убийца с ножом. Даже с таким вот ножом, – он повторил Анфисин широкий жест. – Анфиса, не волнуйтесь, я вас понял. Но надо же все-таки случиться такому совпадению...

– Какому еще совпадению? – не поняла Катя.

– Ну как же? Гроза, молнии сверкают, по двору несутся мутные потоки воды, а тут еще кто-то, как назло, лампочки вывернул... И тленом могильным дохнуло. И рост у нападавшего вполне подходящий – маленький...

– А в чем дело? – спросила Анфиса. – Сережа, вы что, мне не верите?

– Я верю, верю. Только если поедем в милицию, историю надо изложить как-нибудь попроще. А то, когда там речь пойдет о маленьком, чрезвычайно плотном убийце с ножом, грозе и вывернутых в уборной... пардон, в подъезде лампочках, окажется, что дежурный лейтенант – с детства поклонник Булгакова, а от главы про нападение на администратора варьете Варенуху просто тащится.

– По-вашему... по-твоему, дорогой, я все сочинила и я же похожа на Варенуху? – гневно спросила Анфиса.

Катя не удержалась и фыркнула. Мещерский покраснел, оробел под ее взглядом. Он составлял ровно половину могучей, щедро одаренной телесными формами Анфисы и в самом крайнем случае на снисхождение и пощаду мог даже не рассчитывать. Но Анфиса и сама не удержалась – фыркнула и засмеялась. И этот смех был как лекарство.

– Ладно, девушки, шутки в сторону, – сказал Мещерский. – Конечно, это дело так оставлять нельзя. Но все же с версией по поводу покушения я бы пока погодил. Если вы, Анфиса, в состоянии, поедем в отделение прямо сейчас, напишем заявление о том, что на вас напал вооруженный грабитель. Пусть принимают меры.

– Я думаю, что на меня напали вот из-за этого, – тихо сказала Анфиса и наконец-то открыла свою заветную коробку.

К большому разочарованию Кати, там оказались... старые шерстяные клубки. Когда-то, еще до романа с Лесоповаловым, Анфиса от скуки свободными вечерами вязала. Теперь же это занятие было заброшено, и клубки с аппетитом поедала моль. Анфиса вытряхнула клубки прямо на пол, на палас и достала со дна коробки большую мятую фотографию.

Еще не видя, что там на этом фото изображено, Катя, опять же долго не раздумывая, Анфисе поверила. О, она знала ее характер и ее хватку профессионального фоторепортера. Фото в наше время – это уже предлог для разборок, особенно фотокомпромат. Вполне могло случиться так, что Анфиса влезла в какую-то, с ее точки зрения, убойно-сенсационную историю и запечатлела своей досужей репортерской камерой кого-то и при таких нелепых обстоятельствах, что этот кто-то не на шутку забеспокоился. И даже послал какую-то наемную погань разобраться с Анфисой у подъезда. Катя хотела было озвучить свои домыслы, но тут внезапно увидела лицо Мещерского. Он смотрел на снимок.

– Черт... Анфиса, откуда это у вас?!

Катя через его плечо глянула на снимок и...

Стоп. Это еще что такое?

Снимок был старый, пожелтевший от времени. И по диагонали, и по вертикали его покрывали трещины и заломы. В первое мгновение Кате показалось, что он дореволюционный. Он был как бы составлен из двух частей – первый план более светлый, второй – темный. На снимке был запечатлен зал, в котором праздновался банкет. Центр снимка занимал богато накрытый банкетный стол. Возле него группировались напряженно уставившиеся в объектив люди. Мещерский насчитал двадцать три человека. Среди запечатленных в основном преобладали мужчины. Большинство из них были во фраках и визитках. Но было и несколько военных, причем форма их была точь-в-точь как в фильме про белых – ладные офицерские мундиры, адъютантские аксельбанты, белые и черные щегольские черкески с серебряными газырями. В тесной группе военных Катя заметила человека в штатском – во фраке, белом галстуке и в черной маске домино. Он смотрел не прямо в объектив, а на то, что лежало на праздничном столе.

Когда впоследствии Катя снова и снова разглядывала эту фотографию, она всегда поражалась тому, как богато и обильно в годы войны и лишений был накрыт этот ужасный стол: крахмальная скатерть, бронзовые канделябры, хрустальные вазы, полные спелого винограда. Однако все тарелки, приборы, бутылки и блюда с закуской были как-то хаотично сдвинуты к краям стола. А в центре, среди цветов и фруктов, обложенный по обеим сторонам аршинными осетрами, точно чудовищным гарниром, лежал...

Катя, почувствовав, как к горлу подкатывает дурнота, отвернулась. И наткнулась на взгляд Анфисы – та смотрела на фото как замороженная.

Посреди банкетного стола лежал покойник. Мертвец в смокинге и лаковых штиблетах. Такие штиблеты носили в начале прошлого века. Руки мертвеца были вытянуты вдоль туловища. Лицо было восковым, покрытым какими-то уродливыми темными пятнами, точно проказой. Это был совсем молодой человек лет, наверное, двадцати – двадцати пяти, прямые светлые волосы его были зачесаны на косой пробор и сильно напомажены. Снимок был сделан таким образом, что ступни мертвеца, обутые в штиблеты, казались несуразно огромными, а голова – крохотной, птичьей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.